

Дарья Донцова

Дама с Коровами

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
Дама с коготками
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 3

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118864

Донцова Д. Дама с коготками: Иронический детектив: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-21364-1

Аннотация

Веселое празднование Нового года внезапно завершается трагедией. При странных обстоятельствах умирает хозяйка дома. Родственники погибшей спешат замаять преступление. Тогда подруга убитой Даша Васильева затевает собственное расследование. Одна за другой отпадают версии. Так кто же преступник? Свекровь? Муж? Лучшие друзья? Или непонятно откуда появившаяся сестра? Единственное, в чем твердо уверена Даша, – убийца где-то рядом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	47
Глава 5	58
Глава 6	70
Глава 7	82
Глава 8	94
Глава 9	103
Глава 10	120
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Дарья ДОНЦОВА

ДАМА С КОГОТКАМИ

Никогда не открывайте чужих шкафов, потому что оттуда может выпасть скелет.
Английская поговорка

Глава 1

Вот уже три дня, как над Москвой бушевала настоящая буря. Старожилы говорили, что не помнят подобного декабря. Дождь с липким снегом летел на ветровое стекло, дорога обледенела. Пытаясь обуздать буквально рвущийся из рук «Пежо», я, чертыхаясь, вглядывалась в шоссе. «Дворники» не справлялись с работой, и стекло было залеплено грязью.

Вдруг перед капотом в желтоватом свете фар возникла нелепая высокая фигура. От ужаса я зажмурилась и буквально прыгнула на тормоз. «Пежо» занесло. Несколько минут автомобильчик мотался из стороны в сторону, потом заглох. На деревянных ногах я выбралась наружу и прямо под правым колесом увидела мужской ботинок. Боже, задавила пешехода! И попробуй теперь объяснить гаишникам, что этот идиот внезапно выскочил на мосту в полной темноте. Как он вообще оказался здесь? В двух шагах такой уютный, светлый и относительно теплый подземный переход. Все, сейчас за-

метут в кутузку!

Ботинок пошевелился. Быстрее кошки я обежала капот. Жив! Может, ничего страшного? Открывшаяся перед глазами картина впечатляла. В довольно глубокой луже лежал мужчина, одетый почему-то в светлый плащ. Точнее, когда-то светлый, а сейчас потемневший от грязи. Я наклонилась.

– Вы живы?

Пострадавший слабо пошевелился и разлепил веки. На меня глянули абсолютно бессмысленные глаза. Через секунду оживший мертвец сел, похлопал вокруг рукой, выудил из лужи бифокальные очки, обтер их полый и нацепил на нос. Взгляд сфокусировался, в нем появилась жизнь. Мужик посмотрел на меня из лужи, снизу вверх, робко улыбнулся и хорошо поставленным голосом произнес:

– Разрешите представиться, профессор психологии Серж Радов.

Ошеломленная, я протянула ему руку и пролепетала:

– Очень приятно, Даша Васильева.

– Очарован знакомством, – без тени сарказма заявила жертва и, опершись на капот, встала на длинные, как у журавля, ноги. – Прошу простить, поленился спуститься в переход и не заметил машину. Понимаете, плохо вижу.

– Ничего, ничего, – проямлила я, пытаюсь унять дрожь в теле и испытывая невероятное облегчение от того, что он жив и, кажется, вполне здоров.

– У меня никаких претензий, – продолжал профессор, – наоборот, обязуюсь возместить ущерб, который нанес машине, – и он указал пальцем на небольшую вмятину с левой стороны.

– Ни в коем случае, такая ерунда, – запротестовала я.

Еще пару минут мы расшаркивались, раскланивались и приседали друг перед другом, как китайские мандарины на свадьбе. Наконец несостоявшийся труп сообщил:

– Что ж, пора домой, а то Изабелла станет волноваться!

Я оглядела его повнимательней. Струи грязи стекали по плащу, раскрасив одежду в немыслимый серо-буро-малиновый цвет. Брюки промокли внизу насквозь и облепили худые ноги. Кудрявые, скорей всего русые волосы тоже были заляпаны грязью, как и лицо. В таком виде просто невозможно отпустить человека.

– Господин Радов, садитесь в машину, подвезу вас до дому.

Профессор замахал руками:

– Ни в коем случае, вы уже и так потеряли из-за меня пропасть времени.

– Не спорьте, – обозлилась я, – давайте лучше продолжим разговор в машине, а не на ветру. Вы можете простудиться, да и я сильно продрогла.

– Простите, – сказал профессор, снял плащ и залез в машину.

Я выяснила, что он живет на Садовом кольце, и тихо по-

ехала в сторону Центра. По дороге Серж попросил меня остановиться и выбросить плащ в мусорный бачок.

– Все равно вещь безнадежно испорчена, – пояснил мужчина.

По дороге он развлекал меня милым разговором, и, когда мы наконец подъехали к трехэтажному зданию, я была совершенно очарована. Профессор оказался приятным собеседником и обаятельным мужчиной.

– Даша! – торжественно произнес он, стоя у подъезда. – Убедительно прошу подняться к нам, выпить чашечку кофе. Изабелла будет рада знакомству.

Я посмотрела на часы: в гости опоздала, дома раньше десяти не ждут. Пожалуй, неплохо сейчас выпить горячего кофе и немного успокоиться, а то ноги до сих пор противно дрожат.

Мы поднялись на второй этаж. Серж открыл дверь и с порога закричал:

– Дорогая, ты где?

В квартире стояла тишина. Где-то слышался звук то ли радио, то ли телевизора, диктор читал сводку погоды.

– Наверное, она в кухне, – пробормотал Серж, – снимайте куртку, мойте руки и проходите сюда, в гостиную, а я поищу Беллу.

С этими словами он ушел в глубь квартиры. Я прошла в ванную, затем двинулась в гостиную. Большая, уютная комната освещалась только торшером. В углу работал телеви-

зор, новости закончились, и РТР передавало какой-то боевик. В кресле, развернутом к экрану, сидела женщина. Вернее, я от двери видела только рыжеволосую голову, откинутую на спинку. Изабелла смотрела фильм.

Странно, что женщина не откликнулась на зов мужа. Может, глуховата или телевизор заглушил его голос. Во всяком случае, следовало поздороваться с хозяйкой. И я довольно громко произнесла:

– Добрый вечер!

Женщина даже не пошевелинулась, не повернула головы. Я обогнула кресло и увидела лицо мертвенно-синего цвета, аккуратную дырочку в правом виске, струйку крови, сползающую на щеку, шею и теряющуюся на ослепительно красной блузке. Рука безвольно болталась у подлокотника, внизу валялся маленький, словно игрушечный, перламутровый пистолетик. Госпожа Изабелла Радова была окончательно и бесповоротно мертва.

Я тупо уставилась на убитую. Ноги снова стали дрожать. Еле-еле двигая онемевшими конечностями, я, проклиная час, когда согласилась выпить кофе, выползла в холл. Из коридора донесся взволнованный голос Сержа:

– Дорогая, ты где?

Через секунду профессор вошел в холл и растерянно произнес:

– Не понимаю, куда могла подеваться Белла? В гостиной ее тоже нет? – спросил он у меня.

– Она в кресле, – деревянным голосом произнесла я, – но, пожалуй, лучше туда не ходить, а вызвать милицию.

– Зачем? – изумился Радов и решительным шагом двинулся к двери.

– Не надо, – слабо запротестовала я, – там...

Но психолог уже исчез за створками. Через секунду слышался сдавленный крик и звук упавшего тела. Скорей всего Серж потерял сознание. Но никакие силы на свете не могли заставить меня войти в гостиную. Подождав несколько минут, я взяла телефон, набрала хорошо знакомый номер и попросила соединить меня с полковником Александровым.

Объяснив Александру Михайловичу суть дела, я села в холле на стул и стала ждать приезда специальной бригады. Минуты текли томительно долго, в гнетущей тишине слышалось только тиканье старинных часов. Из гостиной не доносилось ни звука, казалось, там уже два трупа.

Наконец я услышала отдаленный звук сирены и немного приободрилась.

С полковником я познакомилась несколько лет тому назад. Поставила ему незачет по французскому языку. Александр Михайлович учился тогда в Академии МВД и безуспешно пытался прорваться сквозь колючие кустарники французской грамматики. Ну не давался ему язык Золя и Бальзака! Промучившись два семестра, я наградила полковника незаслуженной четверкой, только с одной целью: чтобы не видеть больше ужасающие сочинения на тему «Моя ком-

ната» или «Москва – столица России», что было выше моих сил. В благодарность несчастный слушатель приволок букет роз и пригласил меня в ресторан. Так началась наша дружба.

Через некоторое время моя жизнь бедной преподавательницы, да к тому же еще матери-одиночки с двумя детьми, резко изменилась. Лучшая подруга Наташка выскочила замуж за безумно богатого француза и поселилась в Париже. Естественно, что вся моя семья, состоявшая к тому времени из дочери Маши, сына Аркадия и его жены Оли, получила приглашение приехать в гости. Не успели мы оказаться в самом красивом городе Европы, как попали в центр невероятной истории. Жана Макмайера, мужа Натальи, убили, и завертелось расследование.

Родственников у бедного Жана, кроме жены, не было. И Наташка в одночасье стала единоличной обладательницей хорошо налаженного бизнеса, трехэтажного дома в предместье Парижа, коллекции картин и солидного счета в банке.

Подруга предложила нам уехать из Москвы и поселиться вместе с ней во Франции. Но у нас как-то не получилось окончательно покинуть Россию. Так и существуем на два дома – полгода тут, полгода там, и совершенно неожиданно для себя превратились в «новых русских», хотя и со старыми привычками. Купили большой дом в пяти километрах от Москвы и живем в нем все вместе. Денег теперь хватает на любые прихоти, но у нас не очень получается швырять ими направо и налево. Очевидно, сказываются годы, прове-

денные в бедности. Правда, теперь я работаю всего три часа в неделю и не ради заработка, а просто для того, чтобы не киснуть дома, а за Машей каждое утро приезжает автобус из дорогого колледжа. Аркадий учится на адвоката, невестка, имеющая дома кличку Зайка, храбро сражается сразу с тремя языками: английским, французским и арабским. Глядя на ее мучения и развешанные по всему дому таблицы со спряжением неправильных глаголов, Маруся спросила:

– Зайка, может, лучше выучить один язык как следует, а не три кое-как?

Ольга оторвалась от Виктора Гюго и сообщила:

– Вот придут опять коммунисты к власти, деньги все отнимут, я пойду в репетиторы и стану всех кормить. Знание языка – кусок хлеба с маслом, а то и с сыром!

Маруся захихикала:

– Коммунисты придут, а мы убежим во Францию! Кому там арабский нужен?

В огромном доме вместе с нами живут три собаки и две кошки. Питбуль Банди, ротвейлер Снап и карликовая пуделиха Черри. Пита и ротвейлера мы привезли с собой из Парижа, пуделиха – московское приобретение. Первых двух псов завели для охраны, но ничего не вышло. Эти, с позволения сказать, стражники больше всего на свете обожают пожрать. Их пасти вечно заняты какой-нибудь вкуснятиной. Домработница Ирка поит мальчиков кофе со сгущенкой и угощает блинчиками; гости засовывают в разверстые пасти

сдобное печенье и куски сыра; почтальон, завидя пита, тут же начинает разворачивать шоколадку, а молочница никогда не забывает угостить творогом. Результат налицо: страшные охранные псы обожают всех без исключения. Их мокрые носы нежно тычутся в руки, а карие глаза словно спрашивают: «Чем угостишь меня?» Кошки, птички, мыши – их лучшие друзья. Белая ангорка Фифина, любимица Оли, тихо шипя, прогоняет пита от камина и сама укладывается на теплое местечко. Трехцветная Семирамида обожает лакать из собачьих мисок молоко. Появляющиеся с завидным постоянством два раза в год котята храбро карабкаются по почти семидесятикилограммовым тушам, затевая драки на необъятной морде пита. Недавно псы пережили страшный стресс. Один из знакомых подарил Марусе попугая Жако, и мерзкая птица просто заклевала мальчишек. Пока противное пернатое три дня жило в столовой, ни Банди, ни Снап туда не решались войти.

Звук сирены оборвался, за дверью послышался топот, и через несколько секунд холл наполнился резким запахом табака, шумом и скрипом форменных ботинок. Эксперт Женя поставил на пол довольно объемистый чемоданчик и пробасил:

– Даша, рад тебя видеть в добром здравии. Где клиент?

Я молча ткнула пальцем в сторону гостиной, Женя вздохнул:

– Даша, скажи честно, что трогала на месте происше-

ствия?

– Ничего, увидела труп и сразу вышла.

– О! Делаешь успехи, – съехидничал Женька, – в прошлом году, помнишь, залапала все, что смогла.

Я молчала, ну какой смысл ругаться с ним? На самом деле Женька довольно милый, к тому же абсолютно прав! В прошлом году мои домашние сильно осложнили его жизнь.

– Хватит привязываться к женщине, лучше займись трупом, – раздался за спиной строгий голос, и Александр Михайлович обнял меня за плечи.

Эксперт тут же испарился, ноги у меня перестали трястись, и я стала с противным всхлипываньем излагать приятелю суть дела. Не успела рассказать о том, где познакомилась с Сержем, как дверь гостиной открылась, и на пороге появился бледный профессор. Молодой милиционер помог бедолаге сесть в кресло. Профессор буквально рухнул на сиденье и, обхватив руками голову, принялся бормотать:

– Белла, зачем? Ну зачем, Белла? Ведь простил тебя искренне, все забыл, зачем?

– Что вы забыли? – заинтересованно спросил Александр Михайлович, протягивая новоявленному вдовцу стакан воды.

– Все, – продолжал плакать Серж, – я простил ей все.

Через пару минут мужчина успокоился и рассказал происшедшую недавно историю, ставшую настоящим испытанием для семейной жизни.

Оказывается, профессор часто уезжал в командировки, детей у них не было, и Изабелла оставалась одна. Они даже купили небольшую собачку, мальтийскую болонку, чтобы женщина не тосковала. Но Белла все равно чувствовала себя очень одинокой, и Серж старался побыстрее закончить дела. Однако в марте он заметил, что жена сильно изменилась. Изабелла стала носить короткие юбки и записалась на курсы английского языка, которые посещала три раза в неделю. Сначала профессор обрадовался, увидев, что жена перестала грустить. Потом, однако, начал проявлять недовольство. Рубашки часто оказывались теперь неглаженными, а обед и ужин зачастую сводились к разогретым наспех готовым блюдам, по мнению Сержа, абсолютно несъедобным. Да еще Белла стала говорить, что по завершении курсов пойдет работать экскурсоводом, потому что ей надоело сидеть день-деньской одной в квартире.

Развязка наступила в мае. Уехав в очередную командировку, Серж поздно вечером позвонил жене. Надо сказать, что раньше он это делал достаточно редко, а тут взял и позвонил. Трубку не брали: ни в десять, ни в двенадцать, ни в час ночи. Профессор заволновался. Воображение нарисовало ему страшную картину: Белла умирает от сердечного приступа, а рядом никого нет. Первый раз в жизни, наплевав на работу, Серж вскочил в машину и помчался домой.

То, что он увидел, когда около пяти утра, усталый и издерганный, вошел в супружескую спальню, повергло его в шок:

пытающийся спрятаться под одеяло молодой человек и растрепанная Изабелла.

Профессор даже не понял, чему удивился больше: тому, что любовником оказался его аспирант, принятый в доме почти на правах сына, или тому, что Белла, всегда носившая практичное, скромное белье, была облачена в какое-то невероятное черное неглиже с бантами.

Следующие сутки превратились в кошмар. Забыв, что преподает студентам «Психологию конфликта», Серж орал и плевался огнем. Неверная супруга не осталась в долгу и вылила ему на голову ушат обид, накопившихся за многие годы брака. Дело дошло до драки. Но здесь верх одержала Белла. Отвесив мужу хорошую оплеуху, она сбила с профессорского носа бифокальные очки, и господин Радов оказался в положении крота. После этого озверевшая жена каблуком раздавила стекла, побросала в чемодан кое-какие вещички и, не обращая внимания на вопли супруга, уехала.

Две недели от нее не было ни слуху ни духу. Перепугавшийся аспирант прислал на кафедру своего друга с заявлением и спешно перевелся в другой институт. Серж, чувствуя себя идиотом, не стал обращаться в милицию, надеясь, что Изабелла вернется. По ночам он совсем не мог спать. Обнимая прижимавшуюся к груди болонку, психолог только теперь понял, как грустно было Изабелле одной. Серж, просмотрев свой ежедневник, обнаружил, что бывал дома всего тридцать-сорок дней в году, и его стала грызть совесть.

Оказывается, жена терпела такое положение вещей не один год, прежде чем решилась завести друга сердца. Неприятное чувство вины и раскаяния прочно поселилось в груди профессора.

Короче говоря, когда через две недели вечером позвонили из Института Склифосовского и сообщили, что к ним доставлена в тяжелом состоянии Изабелла Радова, Серж был окончательно раздавлен.

Он понесся в приемный покой. Молодой врач сообщил, что Белла приняла большую дозу снотворного, но ее жизнь сейчас вне опасности, однако моральное состояние оставляет желать лучшего.

Через несколько дней профессор привез супругу домой. Они никогда больше не говорили о случившемся, и жизнь пошла своим чередом. Правда, господин Радов теперь старался чаще бывать дома, а Изабелла бросила курсы и снова надела юбку, прикрывающую колени. Ничто, казалось, не предвещало трагедии, однако она все же произошла.

Полковник слушал несчастного, не перебивая, лишь изредка качал головой. Вышел Женя, стягивая с рук резиновые перчатки, позвал начальника. Я услышала тихие слова «направление раневого канала», «отпечатки пальцев».

– Откуда у вашей жены взялся пистолет? – поинтересовался Александр Михайлович.

– Мы купили его давно, для самообороны, – ответил Серж.

– Оружие зарегистрировано?

Профессор отрицательно покачал головой:

– Все забывали пойти в милицию.

Вошли два здоровых санитаря с носилками. Александр Михайлович попросил:

– Уведи господина Радова из холла.

Я потянула профессора за рукав, но он словно окаменел. Пришлось звать на помощь милиционера. Вдвоем мы кое-как вытащили несчастного из кресла. В гостиной послышалось громкое шуршание и треск. Я поняла, что санитары упаковывают труп в мешок и застегивают молнию. Сейчас они вынесут страшный груз в холл. Я подхватила Сержа под руку и поволокла в глубь квартиры.

Глава 2

Приближалось 31 декабря, и я с тоской взглянула на календарь. Аркадий с Ольгой отправляются с приятелями в ресторан. Куда деваться нам с Марусей? Может, слетать к Наташке в Париж? Новый год во Франции чудесное время!

Проблему решил телефонный звонок. Это оказалась Лариса Войцеховская, которую все почему-то звали Люлю.

– Даша, – затараторила подруга высоким голосом, – ты уже решила, куда отправишься на праздники?

– Нет, – растерялась я, – скорей всего останемся дома. Причем вдвоем с Машей.

– Чудесненько, – обрадовалась Люлю, – тогда мы со Степой приглашаем вас к себе, славненько повеселимся.

Пообещав подумать, я пошла в комнату к Марусе. Девочка твердо решила стать собачьим доктором и регулярно посещала курсы при Ветеринарной академии. Вот и сейчас толстененькая Маня готовила какой-то доклад и жевала чипсы. Рядом как изваяние сидел Банди. Судя по крошкам на морде, псу досталась из коробки малая толика лакомства.

– Мусенька, – вкрадчиво произнесла я, – как ты смотришь на то, чтобы встретить Новый год у Люлю?

Машка оторвалась от описания нервной системы обезьяны, сдула с глаз длинную челку и заявила:

– Прекрасно, а что купить им в подарок?

Перебрав всевозможные виды сувениров, решили остановиться на серебряной сигаретнице для Степана и кружевной скатерти для Люлю. Прихватим еще пару коробок конфет для родителей Степы, старики обожают сладкое. Оставив будущего ветеринара сражаться с мозгом примата, я пошла звонить Ларисе.

Выехали мы с Маней 31 декабря в семь вечера. Дорога скользкая, снег несся прямо в ветровое стекло и тут же стекал с него уже в виде дождя. Путь до Комарова, где жили Степа и Лара, в обычную погоду занял бы от силы полчаса, мы же с Машей добирались почти три. Я вообще боюсь скользких дорог, а недавний случай с Сержем Радовым напугал еще больше. Когда перед глазами наконец возник милый двухэтажный дом, выкрашенный светло-коричневой краской, из груди вырвался вздох облегчения: все-таки благополучно доехали. Загнав машину под навес, мы бегом кинулись к двери. Она распахнулась сразу, и на пороге появилась Люлю во всем великолепии своих ста килограммов.

Род Войцеховских древний. Истоки теряются где-то в XII веке, а на протяжении сотен лет мужчины Войцеховские верно служили короне. Короли ценили своих вассалов и оказывали им разнообразные знаки внимания: дарили земли, драгоценности, породистых лошадей и собак. Но в эпоху Великой Октябрьской революции Войцеховским отчаянно не повезло. Львов, где они жили, отошел к СССР, родовую усадьбу сначала разграбили, а потом превратили в музей дворян-

ского быта. Всех членов клана методично истребили. Чудом удалось спастись мальчику Вольдемару. Ребенка пожалел повар и выдал за своего сына. От него и пошла новая ветвь семьи, родовитая, но отчаянно нуждающаяся.

Финансовое положение Войцеховских выправилось не так давно. В конце семидесятых Степану пришла в голову идея разводить собак на продажу. Началось с того, что близкие приятели, побывав во Франции, привезли оттуда йоркширского терьера – собачку практически неизвестную в Москве. Степан купил у них Женеьеву и удачно продал первый приплод. При Советской власти на торговлю щенками смотрели сквозь пальцы. Коммунисты считали это невинным хобби, чем-то вроде коллекционирования марок или монет. Но коллекционер коллекционеру рознь, стоимость иных собраний оценивается миллионами долларов. Степана ждал оглушительный успех.

Комарово не Москва, хотя лежит в нескольких километрах от столицы. Жизнь тут спокойная и провинциальная. Войцеховские имели собственный дом, и никому не было дела до того, что во дворе у них носится пять собак. На замечания соседей, что хватило бы и одной Женеьевы, Степа только улыбался:

– Ну люблю животных, просто сил нет.

Степины йоркширы расселились среди московского бомонда. Иметь кобелька или сучку от Войцеховских стало модно. Старик Вольдемар только крякал, глядя на новую ма-

шину, хорошую мебель и толстую сберкнижку. Степиным благополучием заинтересовались соответствующие органы, но мужчина оброс невероятным количеством знакомых, и в местное ОБХСС позвонили из самой Москвы. Больше Войцеховского не трогали, а дочка начальника Комаровского ОБХСС получила на день рождения очаровательного щенка, и, как говаривала сова из книжки про Винни-Пуха, «безвозмездно, то есть даром». Потом грянула перестройка, и Степа оказался на самом гребне. Они с Лариской теперь выезжали на международные выставки, откуда привозили награды мешками. Бизнес расширялся, к нынешнему моменту у Войцеховских был большой питомник, налаженный рынок сбыта, известность в мире собаководов.

Лариска до замужества закончила какой-то институт, но потом пошла на курсы и превратилась в ветеринара. Характер у Лариски веселый, и хорошее настроение, как правило, не покидает ее. Аппетит соответствует характеру, поэтому весит Люлю около центнера, что не мешает ей быстро и ловко двигаться.

Увидев нас, Лариска радостно закричала:

– Степа, Степа, беги скорей сюда, посмотри, кто приехал.

Пока мы раздевались, подошел Степан и принялся трясти мою руку:

– Даша, мы счастливы.

– А где Миша? – спросила я.

Люлю огляделась по сторонам, разыскивая сына.

– Не знаю, скорей всего у себя в комнате. У него сейчас кошка котится, боится одну ее оставить.

– Кошка котится? – оживилась Маруся. – Наверное, нужна помощь.

И девочка с ужасающим топаньем понеслась на второй этаж. Степан рассмеялся:

– Чувствую, будет кому дело передать.

Мы прошли в ярко освещенную гостиную. Возле сияющей огнями елки в удобных креслах сидели Петр, брат Степана, Анна, его жена, и незнакомая мне пара.

– Ты ведь не знаешь Диану и Кирилла, – сообщила Люлю, – знакомься. С Дианой вместе учились, а Кирилл ее супруг.

– Между прочим, я еще и доктор, а не только супруг Дианы, – раздраженно заявил мужчина.

Степа примиряюще замахал руками:

– Кирюша, ты чудесный доктор, но быть мужем такой красавицы, как Диана, по-моему, очень приятно.

Доктор пробормотал что-то нечленораздельное в ответ. Я вздохнула: надо же, уехать от собственного «домашнего уюта» и попасть в чужой. Надеюсь, Кирилл не начнет сейчас громко выяснять отношения со своей весьма невзрачной женой. У Люлю всегда было мило, весело и непринужденно. Сейчас что-то изменилось даже в обстановке гостиной. Я пригляделась повнимательней. Комната выглядела как-то странно. Картины сняты со стен и лежат на полу. Книги вы-

нуты и громоздятся около полок. У большого торшера отсутствует абажур, и свет ничем не прикрытых лампочек бьет прямо в глаза. На диване распоротые подушки. Казалось, в комнате орудовал вор или милиция проводила тщательный обыск.

Рядом с весело горящим камином тосковало пустое кресло-качалка, постоянное место старика Вольдемара. Странно, что отец Степы не сидит, как всегда, у огня.

– А где Владимир Сигизмундович? – поинтересовалась я. – Привезли ему на Новый год любимый миндаль в шоколаде.

Повисло молчание, потом Степан произнес:

– Папа умер месяц тому назад от инфаркта.

Я окончательно растерялась. Как же так? Никто не предупредил меня! Ни за что теперь не спрошу про Фриду, мать Степы, может, и она тоже...

Словно услышав эти мысли, Люлю пояснила:

– Фрида пошла отдохнуть перед ужином. Ей уже трудно встречать Новый год, не поспав два-три часа днем, все-таки восемьдесят стукнуло.

Я облегченно вздохнула, слава богу, хоть Фрида жива и здорова. Снова повисло молчание. Ветер завывал в каминной трубе, и в мою душу постепенно стало закрадываться ужасное подозрение: так ли уж весело встретим Новый год?

В гостиную влетела Маруся.

– Мамулечка, – заорала она с порога, – пойди посмотри,

какие расчудесные котятки родились. Мишка их сейчас тряпочкой обтирает.

Потом она огляделась по сторонам и бесхитростно спросила:

– Ой, тетя Лариса, вы затеяли ремонт? У Мишки в комнате тоже такой кавардак!

Люлю не успела ответить, потому что снаружи донесся гудок автомобиля.

– Это Лена, моя племянница, – обрадовалась хозяйка. – Слава богу, все в сборе, никто не застрял на этой ужасной дороге.

Через пару минут в комнату быстрым шагом вошла потрясающе красивая девушка. Ростом под метр восемьдесят, длинные удивительно густые белокурые волосы ниспадали почти до осиной талии. Огромные карие глаза с пушистыми угольными ресницами приветливо улыбались. Только крупный рот слегка портил впечатление от нежного лица. Уголки губ капризно изгибались, выдавая избалованную и своевольную натуру.

Увидев небесное явление, Петр приосанился, Кирилл машинально втянул живот. Заметив это, жена доктора усмехнулась, а Анна покраснела.

– Лариса, – весело прощebetала Лена, – наконец-то добрались. Ну и дорога, такое ощущение, что едешь по холодной овсяной каше. Думала, застрянем обязательно.

– Кто это мы, – растерялась Люлю, – ты разве не одна?

– Нет, – еще веселее заявила племянница, – привезла своего жениха, надо же тебе его показать.

И она крикнула:

– Дорогой, давай быстрее сюда, знакомиться с будущими родственниками.

Услышав про жениха, дамы расслабились, зато окаменела я, потому что в гостиную вошел не кто иной, как профессор Серж Радов.

«Ничего себе, – пронеслось в моей голове, – несколько дней тому назад потерял жену, плакал, убивался и уже успел обзавестись невестой!»

– Это профессор Серж Радов, – сообщила Лена, – сначала он просто был моим научным руководителем, а женихом стал только в ноябре, надеюсь, вы с ним подружитесь.

Я почувствовала легкое головокружение. Ну-ну, оказывается, в ноябре старый ловелас сделал девочке предложение, это при живой-то жене. Вовремя, однако, умерла Изабелла. Интересно, Лене известно, что Серж вдовец?

Психолог тем временем пожимал протянутые руки и добрался до меня. Я весело улыбнулась:

– Рада встрече, господин Радов!

Профессор слегка изменился в лице, но удар выдержал и мило проговорил:

– О, вот неожиданность!

– Надеюсь, приятная, – продолжала я улыбаться, как кобра.

– Вы знакомы? – удивилась Люлю.

– Так, встречались, – неопределенно ответила я. Серж предпочел промолчать. Очевидно, для того, чтобы казаться моложе, профессор оделся по-студенчески – мягкие вельветовые джинсы, простой пуловер и кожаная жилетка с бахромой и заклепками. Нелепый рокерский наряд странным образом шел ему. Во всяком случае, цель была достигнута: Серж выглядел намного моложе Кирилла, Петра и Степана, облаченных в строгие вечерние костюмы.

– Ну, нашли? – осведомилась Лена.

– Нет, – покачал головой Петр.

– Может, ничего на самом деле и нет, – проговорил Степа.

– Конечно, Вольдемар любил пошутить, – сообщила Люлю, – но это же просто издевательство.

– Надеюсь, Серж поможет, – сказала Лена, – он профессионал, знаток человеческой природы.

– Исходя из того, что мне рассказала Леночка, – завел Радов, – думаю, искать надо в самых необычных местах.

Я почувствовала себя полной идиоткой. Здесь что-то ищут, но я не знаю ни что, ни кто это спрятал. Надо спросить у Люлю. Но в этот момент раздался легкий скрип, и в гостиную в инвалидном кресле въехала Фрида. Старая женщина весила чуть больше кошки, а ростом была с десятилетнего ребенка, но голос ее, звучный и громкий, заставил присутствующих вздрогнуть.

– Все собрались? – прогремела она.

– Все, – сказал Степа.

– Не слышу! – сообщила Фрида.

– Мама, – заорал Степан, – включи слуховой аппарат.

Фрида покрутила руками дужки очков и удовлетворенно пробормотала:

– Все равно ничего не слышу!

– Фрида, – завопила Люлю, – поставь аппарат на максимум.

– А зачем ты так визжишь? – тихо осведомилась свекровь, – я ведь не глухая.

Люлю всплеснула руками и ничего не сказала. Степа стал торопливо приглашать всех в столовую, и мы перешли туда. У большого окна стояла еще одна елка, под которой горкой лежали подарки. Маруся сунула туда и наши сувениры. Стол сверкал и переливался. Жизнь в провинции имеет свои преимущества. Во всяком случае, такие соленья и домашнюю колбасу можно поест только в деревне. К тому же, насколько я помню, кухарка Войцеховских фантастически готовила мясо. Вот и сейчас нежный ростбиф радовал глаз, а нос ощущал чудесный запах запеченного окорока. Бутылки соответствовали: обязательное шампанское, чудесное бордо, а к кофе скорей всего подадут хорошо выдержанный коньяк.

Мы начали рассаживаться. Фрида устроилась во главе стола и недовольно протянула:

– Ветчина слишком жирная, вредно для печени.

– Не ешь, – немедленно отреагировал сын, – тебе и в са-

мом деле вредно, а нам в самый раз.

– Печень следует беречь, – наставительно заявила мать.

– Разочек можно и забыть о диете, заявляю как доктор, – улыбнулся Кирилл.

– Какова ваша специализация? – ринулась в бой Фрида.

– Терапевт, – коротко ответил врач.

– Да, – хмыкнула старуха, – это тот, кто выписывает рецепты на аспирин, а в более сложных случаях отправляет к узким специалистам?

Доктор промолчал, но его шея стала медленно багроветь.

– Давайте выпьем, праздник на дворе, – примиряюще сказал Петька.

– Да, – подхватила Анна, – самый лучший праздник, Новый год.

Мы приступили к трапезе, намеренно болтая о всяких пустяках. Беседа изредка прерывалась недовольными замечаниями Фриды, но собравшиеся игнорировали их. Так взрослые не замечают маленького капризного ребенка. Кстати, дети, быстро поев и получив подарки, убежали наверх к новорожденным котяткам.

От обильной еды и выпивки у меня начали слипаться глаза. Подождав, когда принесут пирожные, я тихонько пересела на диван, мечтая под любым предлогом отправиться на боковую. Спать хотелось невыносимо. Но Люлю включила музыку и затеяла танцы.

– Разрешите? – Передо мной стоял Серж, протягивая мне

руку.

Пришлось согласиться. Танцевать не люблю, да и не умею, пожалуй, к тому же мне на ухо наступил даже не медведь, а слон. Но и Серж большим мастерством не отличался. Мы медленно топтались в углу гостиной и отдавили друг другу ноги.

– Спасибо, большое спасибо, – неожиданно произнес профессор.

– За что? – искренне удивилась я.

– За то, что не рассказали про нашу первую встречу, – потупился психолог, – видите ли, Леночка не знает, что Беллу убили.

– И как же вы собираетесь скрыть от нее данный факт? Это ведь нереально, кто-нибудь обязательно проболтается или выразит вам сочувствие. Нельзя же предупредить всех знакомых!

– Сам знаю, что глупо, – вздохнул Серж, – но такую женщину, как Лена, можно встретить только раз в жизни. Вот и не захотел ее отпугивать. А то будет держаться от меня подальше.

– Насколько я поняла, вы стали женихом в ноябре, но ведь не на следующий день после знакомства?

– Нет, конечно. Мы встретились два года назад, когда Лена поступила в аспирантуру.

– Два года!

– Сначала она была просто моей аспиранткой. И только в

марте этого года отношения стали более близкими.

Я промолчала. Ну и жук этот Серж. Помню, как со слезами на глазах рассказывал полковнику об измене жены и своих глубоких переживаниях. А сам, оказывается, завел бурный роман с хорошенькой аспиранткой.

– Очень прошу вас, – страстно зашептал Серж, – просто умоляю, не рассказывайте никому про Изабеллу.

– Не буду, выпутывайтесь сами, я не сплетница.

На радостях профессор поцеловал мне руку.

Глава 3

Утром проснулась рано, когда еще не было девяти. Повертелась немного на чужой постели и решила спуститься вниз попить кофе. В столовой на диване сидела Люлю. Впервые за годы знакомства я видела ее плачущей.

– Что случилось? Кто-нибудь заболел?

Лариска молча показала большую нить искусственного жемчуга. На конце болталась записка: «Это не сокровище, а бусы на елку».

– Ну и что? Почему тебя так расстроили эти бусы?

Люлю шмыгнула носом:

– Господи, ты же ничего не знаешь.

И она рассказала невероятную историю. Старик Вольдемар скончался месяц назад. Выпил кофе и упал лицом в чашку. Врач констатировал смерть, вскрытие показало обширный инфаркт. Никто не удивился: старику было без малого девяносто, из которых семьдесят он дымил, как паровоз. Удивление пришло позже, когда нотариус стал читать завещание. Сначала ухо всем резанула странная фраза: «Все движимое и недвижимое имущество оставляю Фриде Войцеховской, которую считаю и признаю своей женой».

Старики состояли более сорока лет в браке, и никто не понял, зачем мужу понадобилось подтверждать факт женитьбы. Но это было еще не все.

«В моем доме, – продолжал нотариус, – спрятано сокровище, несметное богатство. И принадлежать оно будет тому, кто его нашел, пусть даже он не является членом семьи. Это моя маленькая месть, сами знаете за что».

– И вот теперь, – безнадежно говорила Лариска, – мы уже почти месяц ищем. Как в сказке: «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что».

Стало понятно, почему в доме такой кавардак и зачем распорили подушки. Самое ужасное, что Владимир Сигизмундович, мерзкий шутник, позапихивал везде разнообразные подделки. Петька нашел «изумрудное» ожерелье из бутылочных осколков, Анна обнаружила в потайном ящике буфета гигантский рубин, оказавшийся при более детальном рассмотрении тоже стекляшкой, только красного цвета. Наконец нынче утром Лариска вытрясла из матрасика, на котором спит кошка, «жемчуг».

– Нить оказалась такой длинной, – жаловалась Люлю, – я тянула и тянула ее, как фокусница. Ну, думаю, нашла. А на самом конце висит мерзкая записка. Боже, как я его ненавижу. Уверена, Фрида знает, где запрято богатство. Поэтому, глядя на поиски, противненько ухмыляется. У нас сейчас как раз трудный период. Дела в питомниках идут не блестяще, и солидное денежное вливание здорово помогло бы. К тому же я опасаясь, что сокровище найдут чужие – Кирилл, Диана или профессор этот.

– Выгони всех и ищи спокойно.

– Так не уезжают, – всплеснула руками Люлю. – Петька, когда Вольдемар был жив, раз в году максимум на два дня заявлялся. Они друг друга терпеть не могли. А как только про сокровище узнали, их с места не сдвинешь. Уже целый месяц живут. Днем помогают искать с милой улыбкой. А ночью, слышу, ищут тайком.

– Может, уже нашли? – спросила я.

– Нет, – возразила Лариска, – тут же бы убрались. Главное, не знаю, что это: брильянты, изумруды, рубины?

– А почему это должны быть обязательно камни?

– А что еще? Кружева?

– Зачем! Золотые монеты, ценные бумаги, купчие на землю, да мало ли что.

– Нет, помню, Владимир Сигизмундович иногда намекал, что владеет сокровищем Войцеховских, уцелевшим и невероятно ценным. Конечно, камни.

Я подошла к столу и налила остывший кофе. Ну и дела. В большом доме куча комнат: пять спален для гостей, две детские, столовая, гостиная, кабинет Степы, будуар Люлю, большое, почти сорокаметровое помещение, где жила Фрида, прибавьте сюда несколько ванных и туалетов, кухню, кладовую, бельевую, прачечную! А еще примыкающее здание небольшого питомника на двадцать наиболее элитных собак!

– Мог он спрятать вещи в питомнике или во дворе?

Люлю отрицательно помотала головой:

– Нет, в завещании четко сказано – сокровище в доме. Здесь и только здесь.

Послышались шаги. В столовую упругим шагом молодой женщины вошла Лена. Я с завистью посмотрела на нее. Люди, бодро вскакивающие рано утром с кровати без малейшего признака сонливости, всегда вызывали у меня чувство черной зависти. Сама-то не способна проснуться до обеда и хожу до двенадцати, как сонная муха. Лена выглядела бодрой и свежей.

– Доброе утро, Ларочка, – радостно прощебетала девушка и ухватила чайник. Пощупала эмалированные бока и капризно протянула: – Остыл.

Потом оглядела его и со вздохом произнесла:

– Лариса, почему не выбросишь чудовище?

Я уставилась на чайник. На красивом столе, заставленном дорогой посудой, он смотрелся странно – уродливый, с облупившейся эмалью и пятнами ржавчины. К тому же ужасно тяжелый.

Люлю улыбнулась:

– Держим монстра из-за Фриды. Она сожгла кучу чайников. Вечером едет сама на кухню и ставит воду, потом, конечно, забывает.

– Купите со свистком, – посоветовала я.

– Покупали, – отмахнулась Лариска, – пока Фрида на кресле в кухню прирулит, чайник свисток выплевывает. Старуха едет себе по коридорам, свист – раз и прекратился. Она

тут же забывает, куда ехала.

– Надо приобрести электрический, сам отключается, – предложила Лена, густо намазывая кусок батона шоколадной пастой.

– Пройденный этап, – захихикала Люлю, – Фрида с ним в пять минут расправилась. Мы тоже со Степкой думали, что электрический сам отключится. Купили, торжественно на кухне установили. Ну, как думаете, что было дальше?

– Что? – спросила Лена.

– Фрида налила воды и поставила его на газ.

Мы оглушительно захохотали.

– Приятно, когда у людей с утра лучезарное настроение, – входя, сказал Кирилл.

Рядом с ним молчаливой тенью двигалась бледная, невзрачная Диана. Удивительная женщина, со вчерашнего вечера я ни разу не слышала ее голоса. Может, немая? Супруга доктора тихо села за стол и, не обращая внимания на собравшихся, принялась открывать банку с паштетом.

Через несколько минут спустились дети, Степан и Петр. Последним вошел Серж. Профессор выглядел помятым и невыспавшимся.

– Дорогая, – сказал Степа, – попроси подогреть воду, чайник остыл. Ты, кажется, чем-то расстроена?

Жена молча протянула бусы. Муж взял сверкающие перламутровые горошины, прочитал записку и вздохнул:

– По-моему, он нас ненавидел.

– Что вы такое сделали? – поинтересовался Серж.

Степа замялся:

– Иногда спорили с ним, в основном по вопросам собаководства. Отец был хороший ветеринар, но привык действовать по старинке. Совершенно не признавал антибиотиков, лечил животных какими-то притираниями. Кесарево сечение не разрешал делать, мрак! Конечно, мы ругались!

За дверь раздался жуткий скрип, и в столовую вкатилась Фрида.

– Нечего делать из отца идиота, – вступила она с порога в бой. Я удивилась, как глуховатая женщина ухитрилась за дверь услышать наш разговор.

– Вольдемар великолепно понимал животных, – продолжала старуха, – а старые методы, как правило, лучше новых. И, говоря откровенно, разозлился он не из-за того, что вы спорили, а потому, что твоя жена пыталась отравить его стрихнином.

И она гневно ткнула тоненьким, похожим на карандаш пальцем в побледневшую Люлю.

– Мама, – возмутился Степа, – думай, что говоришь!

– Я-то думаю, – огрызнулась Фрида, – а вот твоя супруга должна радоваться, что ее не сдали в уголовный розыск.

Люлю как ни в чем не бывало продолжала пить кофе.

– Если будешь болтать глупости, вызову психиатра, – продолжал злиться Степан, – ты же знаешь, что произошла ужасная ошибка, мы извинились, с каждым может случить-

ся!

Фрида возмущенно фыркнула и раздраженно ткнула пальцем в масленку.

– Погоди, погоди, – оживился Петр, – что за история со стрихнином?

– Ерунда, – сообщил Степан.

– Ничего себе ерунда, – возмутилась мать, – чуть не отравили несчастного отца.

– В доме завелись крысы, – спокойно пояснила Люлю, – и я случайно перепутала стрихнин с солью. Они очень похожи – белые крупинки. Взяла и случайно насыпала в суп для Вольдемара стрихнин. Банки рядом стояли.

– Вы держите на кухне стрихнин? – изумилась Маша. – Это очень опасно.

– И к тому же еще и странно, – пробормотал Петька, откусывая ветчину, – очень странно.

Люлю покраснела.

– Повторяю, в доме завелись крысы, а Владимир Сигизмундович до смерти их боялся. Помня про его больное сердце, мы не стали пугать старика. Сначала купили отраву, но она не подействовала, тогда применили чистый стрихнин. И здесь я, конечно, совершила глупость. Пересыпала яд в банку и перепутала.

– А как отец догадался, что в тарелке отраву? – поинтересовался Кирилл. – Насколько я знаю, стрихнин не обладает ярко выраженным вкусом и запахом.

– У него началась минут через двадцать рвота, желудочные колики, вызвали врача, тот сначала поставил гастросиндром, ну а когда пришел анализ, сразу стало все ясно, – проворчал Степан.

– Какой анализ? – влезла Маша.

– Как только у него заболел живот, муж велел взять пробу всех блюд, подававшихся к обеду, – торжественно заявила Фрида.

– Кстати, это полностью меня оправдывает, – заметила Лариска, – неужели вы думаете, что я настолько глупа, чтобы не вылить вовремя отравленную еду? Так нет же, и суп и второе чудесным образом ждали на кухне.

– Ты только забыла прибавить, – прогремела свекровь, – что в тот день на первое подавали овсяный суп. А его ни ты, ни Степан, ни ваш избалованный мальчишка не едите. Специально дождалась, чтобы своих не отравить, а меня Господь спас, не захотелось обедать.

– Знаешь, Фрида, – обозлилась Люлю, – у меня всегда все отлично получается, и если бы я решила отравить вас, поверь, сделала бы это наверняка, сыпанула яду побольше.

Старуха ничего не ответила. Петя медленно отодвинул чашку.

– Ну очень странно! Меня тут не было, когда умер отец. Говорите, в одночасье скончался? Попил кофейку и тут же упал? А сахар в сахарницу новый положили? Вдруг тоже со стрихнином перепутали – белые крупинки. Вы хоть преду-

преждайте, а то страшно!

Лариска отшвырнула салфетку и выскочила из столовой. Степан побагровел:

– Петька, прекрати идиотские шуточки. Мать совсем из ума выжила, а тебе должно быть стыдно.

– Подумаешь, цаца какая, – усмехнулся брат, – уж и пошутить нельзя.

– Мы еще посмотрим, кто из ума выжил, – пригрозила Фрида.

Воцарилось тягостное молчание. Я посмотрела на детей. Говорливая Маруся присмирела, ее пухлые детские щеки покрывал огненный румянец. Миша, сын Степана и Ларисы, наоборот, побледнел, на худеньком малокровном личике выделялся большой, похожий на клюв, нос Войцеховских. Мальчик лихорадочно отщипывал кусочки батона и крошил их в тарелку.

– Лукреция Борджиа отравила своего мужа мылом, – неожиданно сказал Кирилл.

– Как она заставила его съесть мыло? – изумилась Маруся.

– Он его не ел, помыл руки, и все. Яд через кожу проник в кровь.

– Какой ужас, – неожиданно вступила в разговор Диана, – разве можно убивать родного мужа?

Я посмотрела на женщину – да, она не немая, но, кажется, жуткая дура. Ничего не подозревавшая о моих мыслях, Диана продолжала разглагольствовать:

– Отравить, просто кошмарно! Потом наблюдать, как он мучается. Лучше уж, если просто попадет под машину или вывалится из окна, не на глазах, конечно. Жаль, однако всякое случается. Но отравить! Я бы не смогла.

Серж и Лена уставились на говорившую во все глаза, Степан поперхнулся, а Петр захихикал. Кирилл раздраженно дернул плечом:

– Любимая, заткнись.

Диана захлопнула рот, словно чемодан, и онемела. Удивительное послушание.

– Мерзкая погода, – попробовал переменить тему Серж.

– Очень холодно, – радостно подхватил Степка.

Мы обсудили климатические условия, потом перекинулись на содержание собак и кошек, добрались до новых глистогонных препаратов, когда в столовую вернулась Люлю. Она, очевидно, только что тщательно умылась, но покрасневшие глаза выдавали женщину. Лариска долго плакала в ванной. Приученная соблюдать внешние приличия, она не собиралась терять лица и поэтому довольно весело проговорила:

– Прошу простить, тушь попала в глаза, пришлось смыть красоту. Потерпите меня, так сказать, в натуральном виде? Без косметики?

– Сразу видно, что ты не урожденная Войцеховская, – выпустила парфянскую стрелу свекровь, – наши женщины не мучаются подобными глупыми вопросами.

Люлю мило улыбнулась старухе и очаровательно произнесла:

– Кстати, вы тоже не из Войцеховских. Самое интересное, что никто не знает вашей добрачной фамилии, более того, по-моему, в вашем прошлом есть какая-то постыдная тайна. Иначе почему вы никогда не упоминаете о своих родителях? И родственников никаких нет. Похоже, вас нашли в капусте. Поделитесь секретом, поведайте о своем происхождении, расскажите, как жили до знакомства с Владимиром Сигизмундовичем.

Фрида замахала руками:

– Степан, слышишь, как эта змея оскорбляет твою мать?

Сын промолчал. Старуха развернула кресло и вылетела в коридор с воплем: «Ноги моей здесь больше не будет».

– Ну зачем ты ее дразнишь, – укоризненно сказал Петя, – знаешь ведь, что мать латышка, все ее родные погибли в войну. Да они с Вольдемаром сто раз рассказывали о своей встрече в Ленинграде в 1947 году. Как тебе не стыдно!

– Не делай моей жене замечаний, – взвился Степан, – твоя Анна даже открытки матери на день рождения не прислала. А Лариса ухаживает за Фридой, терпит ее капризы и выходки. И Вольдемара, между прочим, тоже она обхаживала. Знаешь, какой у старика противный характер под конец стал: подозрительный, желчный. Тут не жизнь была, а кошмар. Он демонстративно ходил сам в магазин за едой и ел только готовые полуфабрикаты у себя в комнате. Просто извел всех

своим маразмом. Тебе хорошо, раз в году приезжал, а мы постоянно терпели.

– Вот уж не знаю, как бы я повела себя, обнаружив в супе яд, – задумчиво произнесла Диана, – наверное, стала бы готовить сама...

– Тогда бы точно отравилась или умерла от непомерного потребления крутых яиц, – весело сообщил Кирилл, – душа моя, ты же совершенно не умеешь готовить.

– Да, – согласилась жена, – абсолютно не умею. Такая тоска нападает при виде сковородок и кастрюль. Лучше телик посмотреть.

– Вот тут, мой ангел, ты профессионал, – продолжал ехидничать муж, – а меня, как доктора, страшно занимает тот факт, что, проводя день-деньской перед экраном, ты абсолютно здорова, никакой гиподинамии и бессонницы, просто чудеса!

– Может, после завтрака сходим в питомник? – вмешалась в супружескую перепалку Люлю.

Я вздохнула и оглядела собравшихся. Непривычно тихие дети, покрытый красными пятнами Степан, истерически оживленная Люлю, явно чувствующие себя не в своей тарелке Лена и Серж, без конца выясняющие отношения доктор с женой, выжившая из ума Фрида и наслаждающийся чужими неприятностями Петя – хороший расклад для приятных праздников. Лучше остаться дома и сидеть в тишине с любимой Агатой Кристи в уютном кресле. Так нет, понесло в

гости, вот и наслаждайся теперь.

Дверь в столовую распахнулась, и на пороге появилась Анна.

– Извините, опоздала к завтраку, никак не могла проснуться.

Она придвинула к себе чайник и недовольным голосом пробормотала:

– Опять холодный, целый месяц не могу попить горячего. Почему-то и чай, и кофе, и суп тут просто ледяные.

– Зато с начинкой, – хихикнул Петька.

Это было уже слишком, и Маруся, прекрасно понимая, что сейчас начнется новый виток скандала, подскочила, схватила Мишу за рукав и закричала:

– Что ты тут расселся! Котята небось совсем от голода погибают. Кошка первый раз окотилась, где ей с ними справиться!

Мальчик благодарно посмотрел на подругу, и они вылетели из комнаты.

– Какие невоспитанные дети, – произнесла Анна, – даже спасибо не сказали. Мои всегда спрашивают разрешения выйти из-за стола.

Лариса открыла рот, намереваясь возразить невестке, но в ту же секунду из холла послышался дикий грохот, звон и крик домработницы. Все вскочили с места.

– Сидите, сидите, – успокоил Степа, – чертова картина опять рухнула.

Мы расслабились. В холле, в большом простенке между окнами, висело чудовищное произведение искусства. Когда я первый раз увидела полотно 2x3, не меньше, мурашки побежали по телу.

На бежево-коричневом фоне выделялось лицо ужасно мерзкой старухи. Покрытое глубокими морщинами, пигментными старческими пятнами, оно глядело на вас маленькими глазками-буравчиками. Тонкий, сжатый в нитку рот брезгливо морщился. Из-под ночного чепца выбивались редкие и грязные седые патлы. Шея была под стать личику – желтая, в крупных бородавках, плечи укутывал парчовый халат вишневого цвета. В правой руке это чудовище держало ярко горевшую свечу. Ничего ужасней я никогда еще не видела.

Сначала, как рассказывал Степан, портрет висел в столовой, и он, когда был ребенком, боялся один заходить в комнату. Позднее Люлю убедила свекра перевесить чудовище в холл. Тоже, честно говоря, не лучшее место для подобного произведения искусства.

Приходившие впервые гости пугались, роняли сумки и зонты. Родственники упрасивали Владимира Сигизмундовича убрать «Старуху со свечой» подальше, на второй этаж, но тот упорно отказывался.

– Вы ничего не смыслите в искусстве, – заявлял он, удовлетворенно поглядывая на мерзкую морду, – портрет написал мой дед, настоящий художник, не понятый современ-

никами. К сожалению, удалось сохранить только «Старуху», остальные полотна погибли, но, пока я жив, она будет украшать дом. А после моей смерти обещайте отдать произведение на реставрацию, считайте это моей последней волей.

Вольдемар настолько любил полотно, что даже в завещании написал: «Старуха со свечой» должна быть обязательно реставрирована не позже чем через два года после моей кончины». Но Степан и Лариса не собирались выполнять последнюю волю отца. Скорее всего они ждут смерти Фриды, чтобы тут же оттащить мазню на помойку.

Я никогда не верила во всякую чепуху типа переселения душ и привидений, но с портретом и в самом деле творилось что-то неладное. Он регулярно падал со стены – шесть раз в год: на Рождество, Пасху, 7 ноября, дни рождения Вольдемара и Фриды и 16 января, в годовщину их свадьбы. Это были, так сказать, обязательные падения. Иногда портрет срывался вне графика, и тогда – жди беды. Сначала думали, что дело в раме, и поменяли тяжелую бронзовую окантовку на легкий багет. Затем вбили в стену два крюка толщиной с мужскую руку, но все напрасно. Портрет регулярно сваливался, нервируя домашних и доводя до обмороков гостей. Вот и сейчас я обмерла, услышав грохот.

– С ума сошел, – констатировал Степа, – пятый раз за месяц рушится.

– Как будто что-то сказать хочет, – подлил масла в огонь Кирилл.

– Вдруг он расскажет о том, кто подкрался к отцу с «проклятым соком белены в кармане»? – громогласно произнес Петр.

Люлю, решившая ни за что не поддаваться на провокации брата мужа, бодро сказала:

– Ну, что, все поели? Пошли к собачкам, есть что показать.

Глава 4

Вопреки моим ожиданиям день прошел вполне мирно. Сначала сходили в питомник. В изумительно чистых вольерниках сидели собаки – суперэлитные йоркширские терьеры.

Три кобелька мирно дремали в корзиночках, вокруг сучек гнездились разновозрастное потомство. Только одна девочка скучала в гордом одиночестве.

– Очень неудачный помет получится, – сообщила Люлю, показывая на тоскливую собаку, – причем уже во второй раз. Если так пойдет, придется расстаться с Маркизой.

Некоторые заводчики неохотно выбраковывали плохое потомство. Выращивали некондиционных щенят, потом бесплатно раздавали их желающим. Если же таковых не находилось, оставляли животных себе, некоторые дома походили на зоопарки. Так поступали многие, но только не Войцеховские. Собаководство – бизнес, а бизнес жесток. Растить и кормить животное, на которое потом не найдется покупатель, ни Люлю, ни Степан не собирались. Владимир Сигизмундович иногда вздыхал и оставлял парочку симпатичных малышей, но дети – никогда. Каждый помет тщательно осматривался и уничтожался при малейшем сомнении в его ценности. Так же безжалостно поступали с кобелями и суками, неспособными родить элитных щенят. Тут никто не держал собак «на пенсии», отработанный «материал» усыплялся. И

еще, Войцеховские не держали в доме животных, лишь год назад Миша завел кошку. Собаки были для Войцеховских работой, а не любовью, ремеслом, которым они отлично владели и которое приносило им немалый доход. В общем, сентиментальности в их сердцах не было места.

Полюбовавшись на элитных производителей, я пошла в центр городка: обожаю шляться по деревенским лавочкам. Но сегодня меня ждало разочарование: в первый день нового года почти все торговцы предпочитали сидеть дома у елки.

Пообедали тоже весьма мирно и поужинали, как хорошие добрые друзья. Спать отправились пораньше, давала знать о себе предыдущая полубессонная ночь.

Заснула я сразу, как провалилась, но в полночь проснулась и стала ворочаться. В чужой постели как-то неудобно: одеяло было слишком тонкое, подушка маленькая, да еще из окна немилосердно дуло.

Дом у Войцеховских старый, Владимир Сигизмундович купил его в конце сороковых у местного священника, тот жил в нем с самого рождения. Степану пришлось вложить много средств, чтобы превратить обветшавшее здание в современное жилище. Он провел новую систему отопления, построил ванные комнаты и туалеты, пристроил красивую круглую веранду, которой пользовались как второй гостиной. Короче, дом разительно переменялся и щеголял модернизированной кухней. Но по ночам иногда казалось, что тут бродят тени прошлых владельцев.

Проворочавшись примерно с час, я оделась и решила сходить на кухню. Иногда от бессонницы помогает чашечка крепкого сладкого чая. Надеюсь, у Люлю найдется настоящая заварка, а не эти идиотские пакетики с пылью.

В огромной кухне было темно. Сквозь большое окно пробивался неверный свет фонаря, отражавшийся в начищенных до блеска сковородках и кастрюлях. Решив, что этого света вполне достаточно, я открыла шкафчик и пробежала глазами ряды банок. Взяла одну, и... тут за спиной раздался голос: «Кофе ищешь?» От неожиданности и ужаса руки разжались сами собой, банка с оглушительным грохотом шлепнулась на кафельный пол, содержимое высыпалось. В ту же секунду загорелся свет, и улыбающаяся Лариса покачала головой.

– Господи, – выдохнула я, – до чего же ты меня напугала. Я подумала, что тут привидение. Зачем ты сюда пришла посреди ночи?

– На диете сижу, – ухмыльнулась Лариса.

Я понимающе кивнула. Почти стокилограммовая Люлю регулярно пытается сбросить вес. Она испробовала все, что предлагала современная медицина: таблетки от аппетита, специальные пищевые добавки, призванные заменить еду и обмануть голод, какие-то жуткие катышки, по виду страшно похожие на собачий сухой корм. Производители клялись, что неаппетитные комья сделаны из чистой целлюлозы, разбухающей внутри вас. То есть глотаете эту гадость, за-

пиваете двумя стаканами воды, и коричневая мерзость, увеличиваясь в объеме, занимает весь желудок. Вы получаете ощущение сытости без еды. Очень удобно и выгодно. В результате всех манипуляций стрелка весов Люлю колебалась между 90 и 95 кг. Но стоило ей начать есть по-человечески, как мерзкий измерительный прибор демонстрировал ровно центнер. В результате подруга наплевала на все фармакологические новинки и раз в месяц голодает неделю.

– Опять не выдержала? – спросила я.

– И не говори, – отмахнулась Люлю, – в обед поела цветной капусты, на ужин выпила стакан кефира. Еле-еле дождалась, пока Степа уснет, чтобы пойти на кухню. Вот! – И она показала два огромных бутерброда с холодной жирной бужениной и маринованными огурцами. Сандвичи выглядели так соблазнительно, что мой рот, как у собаки Павлова, моментально наполнился слюной.

Лариса заметила глотательное движение и хихикнула:

– Будешь свининку?

Минут через пять мы подмели пол и сели за большой стол, накрытый красной клеенкой.

– Ой, как хорошо, – счастливо пробормотала Лариса, отправляя в рот гигантские куски.

– И зачем себя мучить? – удивилась я. – При твоём росте и широких костях девяносто вполне нормальный вес. Сколько в тебе – метр восемьдесят?

– Метр семьдесят семь, – пробормотала с набитым ртом

Лариса, – только попробуй объяснить это Степану. Видишь ли, у него в детстве перед глазами мельтешилась засушенная козявка Фрида, и теперь у мужика выработался четкий стандарт: дама должна выглядеть как мумия. А я никак не подхожу под стандарт. Ну теперь все, скоро стану тощая, как селедка! Знаешь, сколько сейчас вешу? 83 килограмма!

И она победоносно посмотрела на меня.

– Как тебе это удалось?

Люлю вытащила из кармана большой пластмассовый флакон, наполненный огромными желатиновыми капсулами.

– Вот смотри, только никому не рассказывай. Я только притворяюсь, что сижу на диете.

– А что это?

– Новое средство для похудения на основе гормонов щитовидной железы, последнее достижение медицины.

– Не боишься окончательно испортить здоровье? И потом, какие большие! Проглотить невозможно.

– Да уж, тут недоработка, к тому же лопать надо по восемь штук на прием, замучаешься запивать. Но действует! Килограммы так и улетают.

И она с удвоенной силой накинулась на буженину. Наевшись, выпила две большие чашки чаю и удовлетворенно заметила:

– Скоро жизнь изменится к лучшему.

– Надеешься стать тощей и потому счастливой? – ухмыльнулась я.

– Да нет, – ответила Лариса, – надеюсь раз и навсегда заткнуть Фриду. Появилась такая возможность.

Старуха Войцеховская терпеть не могла невестку. И ее ненависть распространилась на Степана и Мишеньку. Фрида производила впечатление вздорной бабы. Постоянно цеплялась к Люлю, ей не нравилось в невестке буквально все: одежда, косметика, привычки. С особым удовольствием она говорила Ларисе гадости при посторонних. И то, что невестка никогда не отвечала свекрови, никак не реагировала на нападки, просто бесило ее. Чем больше злилась Фрида, тем спокойнее и ровней казалась Лариса. Когда друзья ей выражали сочувствие, Люлю отвечала со вздохом:

– Старость не радость, еще неизвестно, во что мы превратимся; может, вообще лишимся разума.

Благодаря такой манере поведения Лариса выглядела просто святой в глазах мужа, мать же он постоянно ставил на место, правда, делал это очень осторожно. Иногда Люлю в присутствии свекрови небрежно роняла:

– Дорогой, тебе следует быть более терпимым с мамой, помни о ее больном сердце.

Подобная забота доводила Фриду до иступления, и однажды она швырнула в невестку утюг. Но после почти двадцати лет брака со Степаном Лариса иногда позволяла себе огрызнуться. Именно это можно было наблюдать сегодня за завтраком. Но заткнуть свекровь навсегда?

– Как, интересно, ты думаешь это сделать? – спросила я. –

Фрида незатыкаема.

– Ха, – откликнулась Люлю, – я тоже так полагала. Но недавно кое-что узнала про нашу латышку. Говорят, у каждого есть небольшой скелет в шкафу. А у моей свекрови – целый скелетище. И стоит мне заговорить, как она лишится всего, в первую очередь своего честного имени. До чего же она мне надоела! Столько лет шипела, что она настоящая Войцеховская, а я наглая беспородная дворняжка. Зато сегодня отлились кошке мышкены слезки. Видела бы ты, как она умоляла меня никому ничего не сообщать. Ну уж нет, завтра же расскажу все Степе, а за обедом, при всех, выложу новость Петьке с Анной. После этого Фрида станет по струнке ходить.

На следующее утро к завтраку подали омлет с сыром. После завтрака Маша, Мишка, Степан и Люлю отправились в питомник. Серж и Лена засели в кабинете, шелестя какими-то бумагами. Кирилл и Диана отправились обозревать окрестности. Доктор мило пригласил меня пойти с ними, и мы гуляли почти до четырех часов. Снегопад прекратился, выглянуло яркое солнце. Обошли весь городок, накупив кучу ненужных сувениров, и выпили вполне приличный кофе в заведении с овощным названием «Помидор».

Обедали Войцеховские в пять. Я успела принять ванну, высушить волосы и спустилась в столовую в чудесном настроении, которому также способствовал восхитительный запах жаркого.

Все уже собрались за столом, не было только Люлю и Фриды. Не успела я развернуть салфетку, как в комнату бодро вкатилась старуха со словами:

– Страшно проголодалась.

Она оглядела стол и завопила:

– Подавайте мясо, все в сборе.

– Мама, – укоризненно проговорил Степан, – разве ты не видишь, что Люлю еще не подошла? Надо подождать.

– Трудно не заметить отсутствие такой хрупкой нимфы, как твоя жена, – ехидно процедила старуха. – Обед подают в пять, а сейчас уже четверть шестого, нечего опаздывать. Мясо, наверное, перестояло и потеряло всякий вкус.

– Сегодня щенилась Кнопка, Лариса устала, – примирительно сообщил Степа.

– У каждого свои проблемы, – не унималась мать, – и потом, семеро одного не ждут. Подавайте мясо!

– Миша, – вмешался Петя, – поди поторопи мать, а то правда очень хочется есть.

Мальчик послушно вылез из-за стола.

– И скажи, чтобы не помадилась, макияж ее не украшает, – крикнула Фрида и принялась накладывать в тарелку салат.

Все молча смотрели, как она жадно и неаккуратно ест.

«Господи, – пронеслось у меня в голове, – не дай бог дожить до такого возраста и мучить детей. Лучше попасть под автобус и скончаться на месте».

– Сегодня изумительная погода, – сказал Серж, чтобы разрядить обстановку.

– Наконец-то прекратился снег, – заметила Лена.

– Надеюсь, что потеплеет, – с благодарностью подхватил эстафету Степан.

Раздался жуткий грохот, бокалы на столе отозвались похоронным звоном.

– Опять эта дрянь свалилась, – заметил Петр.

– По-моему, портрет следует выкинуть раз и навсегда, – заявила Анна.

– А ты не распорядись у меня в доме, – ошетибилась Фрида.

На пороге появился Мишенька, он подошел к отцу и принялся шептать что-то ему на ухо. Степан улыбнулся и потрепал мальчика по голове.

– Люлю спит, утомилась, бедняжка. Давайте обедать без нее, и потом она все равно на диете, несите мясо.

Мы принялись за изумительную ягнятину, потом еще съели ванильный крем с печеными яблоками и выпили крепкий кофе. К сожалению, погода начала портиться, и, чтобы не видеть гадкий снег, Степан задернул тяжелые шторы в гостиной, куда мы перебрались после обеда. От весело горевшего камина разливалось приятное тепло. Петр, Анна, Фрида и Кирилл принялись играть в кинга, мы со Степой устроились за нардами. Около восьми мой партнер взглянул на часы и проговорил:

– Пойду разбужу Люлю, а то ночью примется по дому бродить!

Он вышел, я откинулась в кресле и зажмурилась, как довольная кошка: хорошо провожу новогодние праздники, тихо.

Со второго этажа донесся крик:

– Кирилл, Кирилл, иди скорей сюда.

Что-то в голосе Степана заставило доктора моментально бросить кинга. Мне тоже не понравилась интонация, и я пошла за ним в будуар.

На большом бутылочного цвета ковре лежала на спине Люлю. Ее халат был распахнут, и большая грудь бесстыдно вывалилась наружу. Кирилл стоял возле женщины на коленях и отчаянно делал искусственное дыхание. Степан лежал на диване лицом вниз, плечи его мелко тряслись. Я замерла от ужаса. Наконец врач остановился, вытер потный лоб и сказал:

– Все бесполезно, она уже коченеет. Умерла примерно часа два тому назад.

– Нет, продолжай, – прокричал Степан, – слышишь, продолжай.

Кирилл пожал плечами:

– Говорю, бесполезно. Вот если бы прошла минута или две, а тут часы!

– И что нам теперь делать? – простонал Степан.

– Вызывать милицию и не трогать ничего до приезда спе-

ЦИАЛИСТОВ, – сказала я.

Глава 5

Вечер и большая часть ночи превратились в кошмар. Сначала неторопливым шагом пришли два местных милиционера. Именно пришли, а не примчались на машине с мигалкой, как это делает полковник. Никаких экспертов, фотографов и инспекторов, просто два довольно пожилых мента. Они медленно поднялись на второй этаж и вошли в комнату, которую Лариса гордо называла будуаром.

Один из стражей закона почесал в затылке и поглядел на лежавшую посередине ковра Люлю. Другой мирно спросил:

– Перепила на праздник, да? Старик Алексеев тоже чуть было концы не отдал.

– Алексееву-то девяносто стукнуло, – вступил в диалог первый, – а Лариса Войцеховская и пятидесяти скорей всего не отпраздновала.

Они постояли еще пару минут, задумчиво разглядывая тело. Наконец тот, что помоложе, изрек:

– Надо доктора позвать.

– Так у него же грипп! – ответил более пожилой.

И они опять замолчали. Я не выдержала:

– Вы что, не собираетесь осматривать место происшествия, брать отпечатки пальцев, искать следы?

Молодой милиционер, тот, что помоложе, вытаращил глаза:

– Зачем? Ведь у Ларисы Николаевны случился сердечный приступ?

– Отчего вы так решили?

– А что еще могло произойти в таком уважаемом семействе? – отозвался второй. – Или у Ларисы Николаевны была какая-то болезнь, рак, например.

Степан молчал. Кирилл тоже не проронил ни слова. Остальные не высовывали носа из гостиной.

– Оставьте ее дома или увезти тело в морг? – осведомились менты.

– Только дома, – слышался голос Петра. Младший сын появился в комнате, – она останется до похорон дома. Вызовем специалиста по заморозке.

– Тогда давайте положим ее на диван, – сказал Кирилл, – не лежать же ей на полу.

Я смотрела, как милиционеры и доктор, затапывая место происшествия, поднимают труп и устраивают его на диване. Представляю, что сказал бы Женя, глядя на подобные методы ведения следствия!

Наконец неприятная процедура завершилась. Люлю лежала на кожаных подушках, глядя в потолок. В суматохе доктор забыл закрыть покойной глаза. Обезумевший от горя Степан зачем-то укрыл труп пушистым пледом в красно-черную клетку. Все спустились вниз, и все время сохранявший спокойствие Петька предложил милиционерам выпить. Те не стали ломаться, а радостно приняли бокалы с коньяком. Что

и говорить, в провинции все намного проще.

Оставив представителей закона наслаждаться выдержанным Арманьяком, я пошла в свою комнату. Маши нигде не было, очевидно, девочка, поняв, что произошло непоправимое, увела Мишу подальше от мертвой матери. Все-таки странно: не очень молодая, но здоровая и полная жизни женщина внезапно умирает, а милиция, даже не настаивая на вскрытии, утверждает, что Лариса погибла от сердечного приступа. Комнату и то не осмотрели, Шерлоки Холмсы! Уму непостижимо! Пойду сама все осмотрю.

Прихватив очки, я вернулась в будуар. Лариса, как живая, лежала на диване, глаза ей так никто и не закрыл. С чего начать? Во-первых, окно. Оно закрыто на задвижки и даже заклеено, на подоконнике примостился деревянный ящичек для рукоделия. Открыв крышку, я увидела аккуратно разложенные катушки, иголки, ножницы. Еще на подоконнике красовалась большая ваза со стеклянными нарциссами. У противоположной стены стояла довольно большая кровать со смятым покрывалом и подушками. Степан сильно храпел, и вот уже несколько лет супруги спали в разных комнатах. Я поворошила белье: ничего особенного. Просто постельные принадлежности хорошего качества. На столике у изголовья – маленькая лампочка с абажуром, книга «Инфекционные болезни собак» и пустой стакан. Я понюхала посуду – никакого запаха, скорей всего тут была кипяченая вода. В углу большое удобное кресло, на полке – маленький телевизор.

Да, Люлю устроилась тут со всевозможным комфортом. Я потянула дверцы небольшого встроенного шкафа – на полочках царил идеальный порядок, словно хозяйка ожидала, что кто-то станет лазить здесь в ее отсутствие. Аккуратными стопочками высилось белье, чулки и носки лежали в отдельном ящичке. На плечиках висели платья, костюмы, блузки, пиджаки. Внизу – обувь.

Я принялась рыться на полках: ну ничего интересного. Попался альбом со старыми фотографиями. Большинство лиц абсолютно не знакомы, узнаваемы Вольдемар и Фрида в старомодной одежде начала 50-х годов. Потом замелькали снимки Степана. Книги тоже не удивляли – штук десять справочников по ветеринарии, каталоги собачьих кормов, реклама производителей антиблошиных ошейников и капель. Очевидно, вся деловая документация хранилась в кабинете.

Я опустила в мягкое кресло и еще раз внимательно оглядела комнату. Под диваном валялся какой-то предмет. Преодолев непонятное чувство страха, я приблизилась к месту, где мертвым сном спала Лариса, стала на колени и заглянула под софу. Да, их домработница не слишком хорошо убирает. На пыльном полу лежал флакон из-под чудодейственных таблеток для снижения веса, причем абсолютно пустой. Я повертела находку в руках и снова села в кресло. Интересно, вчера Люлю показывала мне пузырек, заполненный больше чем наполовину. Может, у нее было две упаковки?

Я стала читать ярлычок: «Новые таблетки для корректировки фигуры. 400 капсул. Ежедневный прием: по 8 капсул после каждой еды. Перед употреблением посоветуйтесь с лечащим врачом и изучите листок-вкладыш». Открыв пузырек, поднесла его к носу – пахло лекарством, довольно противно и резко. Я вздохнула, крышечка соскользнула с колен и провалилась между сиденьем и ручкой. Чертыхаясь, засунула руку в тесное пространство, хорошо помню, как вогнала себе иголку под ноготь, когда проделывала ту же операцию дома. Крышечка выскальзывала, проваливалась глубже. Наконец удалось подцепить ее вместе с какой-то бумажкой и вытащить наружу.

Бумажка оказалась счетом, выписанным служащим архива загса. В отличие от большинства квитанций, эту заполнили крупным аккуратным почерком: «200 рублей за просмотр книги записи актов бракосочетаний за январь 1947 года». Интересно, что могло заинтересовать Люлю в старых документах? Но меня сейчас волновали таблетки, поэтому, сунув листок в карман, я еще раз оглядела комнату. Так, Лариса скрыла от домашних, что пьет новое лекарство, значит, явно не держала его в общей аптечке. Куда спрячет женщина пузырек? Куда ни за что не станет заглядывать муж? Мои бывшие супруги никогда бы не полезли в пакеты с дамскими прокладками.

Я вновь открыла шкаф и пощупала упаковки «Олвейс». Мягкие, мягкие, мягкие, а в этой что-то есть! Точно! Внут-

ри мешочка обнаружилась полная упаковка и листок-вкладыш. Ага, фирма-изготовитель настоятельно рекомендует не принимать два курса сразу. Сначала 400 таблеток, потом трехмесячный перерыв. Люлю решила не послушаться и выпить 800 капсул подряд, во всяком случае – вот один пустой флакон и один непечатый. Непонятно только, вчера подруга трясла передо мной почти полным пузырьком. Не съела же она все сразу? А вдруг проглотила и поэтому умерла? Нет, так оставлять дело нельзя.

Я выскользнула из комнаты, бросив взгляд на умершую. Люлю смотрела в потолок остекленевшими глазами.

Дом словно вымер, только внизу в холле маялась в инвалидном кресле Фрида.

– Это правда? – кинулась она ко мне.

– Что? – удивилась я.

– Правда, что Лариска умерла? – осведомилась старуха.

Мои глаза внимательно посмотрели на нее. Нельзя же так радоваться, следует соблюсти хоть какие-то приличия. Но Фрида отнюдь не собиралась торжествовать по поводу безвременной кончины невестки. Наоборот, лицо старушки сморщилось, откуда-то из глубины кресла она вытащила носовой платок и принялась вытирать глаза.

– Конечно, – говорила Фрида, шмыгая носом, – она была безродной нахалкой, на которой мой сын женился по чистому недоразумению. Мезальянс совершенно не нравился нам с отцом. К тому же Лариса обладала отвратительным харак-

тером, настоящая плебейка и хамка.

– О мертвых говорят только хорошее, – сказала я.

– Да, – согласилась Фрида, – у нее были хорошие задатки. Можно сказать, питомник только и держался ее усилиями. Степан обожает всякие новомодные штучки, так у него собаки дохли, как мухи. Электрические поилки, автоматические раздатчики корма, синтетические подстилки, вроде все по последнему слову, а кобельки тоскуют, сучки воют, и щенки мрут. Люлю постелила в вольерчиках теплые соломенные тюфячки, велела раздавать корм вручную, гладить животных почаще. Выяснилось, собакам не хватает любви. И ветеринаром она была от Бога. Весь городок к ней живность таскал, кого только не лечила: кур, коз, кошек, попугайчиков! Где, интересно, научилась! Что теперь будет? Степе одному не справиться. Как несправедлива жизнь: умереть такой молодой, оставить сиротой ребенка...

И старуха покатила в свою комнату, тихо всхлипывая. Я в полном обалдении смотрела ей вслед. Надо же, Фрида, оказывается, по-своему любила Люлю.

Я взглянула на часы и пошла к себе в комнату – одиннадцать ночей. Если полковник не на работе, то скорей всего он спит. Набрал знакомый номер, стала ждать ответа. Александр Михайлович отозвался лишь на десятый звонок. Я вкратце изложила ему суть дела и услышала легкий шорох у двери. Кто-то явно подслушивал. Бросив трубку, на цыпочках подкралась к входу и с размаху толкнула дубовую створ-

ку. Но в коридоре никого не было, только пахло лавандовым мылом. Интересно, кто в доме такой любопытный? Сколько вообще сейчас тут народу? Серж и Лена, Петя и Анна, Кирилл и Диана, Степан, Маша, Миша, кухарка, домработница, Фрида? Нет, Фрида не в счет.

Три года назад старуха Войцеховская совершенно обезножела. Приглашенные специалисты не обнаружили у нее никаких болезней, кроме старости. Обожавший жену Владимир Сигизмундович заказал роскошное инвалидное кресло и переделал все дверные проемы первого этажа. Коляска работает от электромотора, и Фрида управляет ею при помощи пульта, похожего на телевизионный. Вдова может запросто выезжать на улицу, к парадному входу пристроен специальный пандус. В хорошую погоду лучшее развлечение Фриды – поездка в кондитерскую или аптеку. Впрочем, так же запросто добирается она и до рынка, расположенного на другом конце городка. Вот только второй этаж старинного дома недоступен калеке. Коляска при всех примочках не умеет шагать по довольно крутым ступенькам.

Я пошла в комнату к Марусе. Она и заплаканный Миша рассматривали гигантскую поваренную книгу. Увидев меня, мальчик отвел глаза, я молча погладила его по голове, машинально отметив, что волосы у него материнские – рыжие и кудрявые. Вообще сын удивительно походил на мать – белокожий, голубоглазый, с мелкими, словно нарисованными веснушками. От Войцеховских только большой, клювооб-

разный нос.

– Машенька, – ласково сказала я, – хочу поговорить минутку с тобой.

– Пойду спать, – тут же отреагировал Мишка и тенью выскользнул из комнаты.

– Завтра рано утром съезжу в Москву, не волнуйся, к обеду вернусь.

– Зачем? – удивилась Маня.

– Хочу посоветоваться с полковником.

– Тебе что-то не нравится, – протянула Маруся, – думаешь, Люлю умерла не от сердечного приступа?

– Не знаю, – пожала я плечами, – только странно, как можно точно установить причину смерти, просто глядя на тело. Лариса ведь ничем не болела!

– Мусечка, – пробормотала дочь, – не вмешивайся в это дело. Тут все думают, что Люлю скончалась от болезни сердца. Да и кому нужно было ее убивать? Это просто твоя любовь к детективам. Давай лучше вернемся поскорее домой.

Я возмутилась:

– Лариса моя подруга. Так неужели я могу оставаться спокойной, если даже не установлена причина ее смерти? Нет уж, этого я не допущу.

Мы довольно долго спорили, потом Машка залезла в кровать, а я посидела немного возле нее, короче, когда пошла к себе, стрелки часов показывали половину второго. В доме стояла пронзительная тишина. За всеми треволнениями

нам забыли подать ужин, и сейчас желудок настойчиво напоминает о себе. Я решила спуститься на первый этаж и поискать какой-нибудь еды. Из комнат не доносилось ни звука. Все спали или притворялись, во всяком случае, нигде не пробивался свет. У двери Люлю я замедлила шаг. Интересно, дремлет ли Степан? И как он себя чувствует, зная, что в соседней комнате лежит мертвая жена?

Вдруг в будуаре послышался легкий шорох и тихий звук отодвигаемого предмета. Я так и подскочила от неожиданности! Конечно, Кирилл профессиональный доктор, но вдруг Люлю уснула летаргическим сном и сейчас пытается проснуться? Тихонечко потянув за ручку, приотворила дверь и посмотрела в щель.

В свете полной луны комната великолепно просматривалась. Несчастливая Лариска так и лежала на диване с открытыми глазами. Похоже, к покойной никто ни разу не зашел.

У шкафа, спиной ко входу, стояла Анна и рылась на полках. Секунду я смотрела, как она перекладывает вещи умершей, потом аккуратно притворила дверь и, забыв про голод, пошла к себе. Стало противно. Анна явно искала спрятанное Владимиром Сигизмундовичем сокровище. До сих пор они с Петькой не могли спокойно орудовать в будуаре Люлю. Теперь Анна воспользовалась представившейся возможностью. И никакие покойники ее не смущали. Нет, просто отвратительно! Следовало проучить нахалку.

Я закуталась в простыню, на голову нацепила наволочку

и стала похожа на куклуксклановца в белом одеянии. Тапочки скинула, босиком прошлепала к будуару, резко отворила дверь и взвыла замогильным голосом:

– Что ты делаешь в моей комнате, Анна?

Женщина резко повернулась, со стуком выронила какую-то коробку и оцепенела. Продолжая выть, я тихонечко подбиралась к ней. Внезапно Анна издала дикий вопль и, чуть не сбив меня с ног, ринулась в коридор. Она неслась по коврам, гудя, как паровоз. Не ожидая такого сногшибательного эффекта, я быстрее молнии юркнула к себе в комнату.

Раздались голоса, захлопали двери. Я вышла в коридор. Там уже собрались почти все обитатели дома. Анна, серая, как лондонский туман, повисла на Пете.

– Дорогая, что тебя так напугало? – спрашивал он.

– Там... там, – промычала Анна, – там ходит Лариса.

– Абсурд, – безапелляционно заявила Лена, и я заметила, что среди проснувшихся нет Сержа.

– Она там, – продолжала блеять Анна, – вся в белом и говорит, как из бочки.

Кирилл уверенным шагом двинулся к двери, распахнул ее и зажег свет. Лариса тихо лежала на диване. Лицо ее пожелтело и покрылось какими-то пятнами.

– Вот, – внезапно заорала Анна, – видите коробку? Когда я проходила мимо комнаты, дверь раскрылась, и привидение, уронив шкатулку, жутко завыло.

Все усталились на пол. Я усмехнулась, надо же, какая лгу-

нья! И главное, не могу ее уличить.

– А что ты делала ночью в коридоре? – внезапно поинтересовался Кирилл.

– Пошла в аптечку за лекарством, сердце заболело, – не моргнув глазом соврала нахалка.

– Ладно, – прошелестел Степа, – все перенервничали и издергались. Нечего сказать, хорошие праздники получились. Надо ложиться.

– Бедная мамочка, – внезапно зарыдал Мишка, – лежит совсем одна.

Доктор взял мальчика под правый локоть, Маруся под левый, и они повели сироту в спальню. Петр стал подталкивать Анну. Степан исчез. Остались только я и Лена.

– Бред какой-то, – проговорила девушка резко, – вы верите в привидения?

Я покачала головой и пошла вместе с ней по коридору.

– Ладно, – пробормотала Лена, – пойду подремлю.

Она толкнула дверь, и я увидела в большой кровати Сержа, вполне по-семейному читавшего книгу. Поняв, что любовник обнаружен, Лена быстренько скользнула внутрь. Да, похоже, со смертью хозяйки все в доме перестали стесняться.

Глава 6

Снег прекратился, дорога подсохла, и я добралась до Москвы очень быстро. Ночью не сомкнула глаз, поэтому выехала рано и ворвалась в кабинет к полковнику около девяти утра.

– Да, дело, очевидно, серьезное, если ты встала в такую рань, – захихикал приятель.

Пропустив мимо ушей подковырку, я постаралась спокойно изложить суть дела. Тот посерьезнел, а к концу рассказа пришел в негодование:

– Ну профессионалы! Позор просто.

Он помолчал и после паузы продолжил:

– Тут есть небольшая сложность. С чего бы это мне вмешиваться в дела провинциалов? Вот если поступит жалоба на неправильно ведущееся следствие, тогда дело другое. Знаешь, садись, пиши заявление на мое имя, изложи факты.

– Зачем? – искренне удивилась я.

– Милиционеры жуткие бюрократы, – ухмыльнулся приятель, – зарегистрирую бумагу и с полным основанием сделаю отбивную котлету из оригиналов, определивших причину смерти на глазок.

Так и поступили. Александр Михайлович позвонил в местное отделение милиции и устроил жуткий разнос, пообещав взять дело под личный контроль.

– Все, – сказал он, опуская трубку на рычаг, – теперь по крайней мере произведут вскрытие. Возвращайся спокойно назад.

И я снова покатила к Войцеховским. В доме творилась жуткая суматоха. Внизу у входа стоял небольшой фургон, санитары запихивали в него носилки. На улице толпились зеваки. Я загнала «Пежо» под навес и вошла в дом.

– Вот она, – заорал Петька, весьма невежливо тыча в меня пальцем.

– Объясните, зачем побежали в уголовку с дурацкими заявлениями, – крикнула Анна.

– Боже, какой позор, – стонал Степан, – теперь все подумают, что Люлю покончила с собой, раз начато расследование! Какой стыд! Ну кто тебя просил вмешиваться, кто уполномочил действовать от имени нашей семьи? Ясно как божий день, что Люлю скончалась от сердечного приступа. Ну к чему ненужные дознания!

Я удрученно молчала, кажется, все в доме хотят побыстрей закопать несчастную Лариску и забыть о происшедшем.

– Ну-ка, замолчите, – раздался за спиной громовой голос, и Фрида вкатилась в гостиную, – это я велела Даше съездить в Москву и потребовать, чтобы расследованием занялись настоящие профессионалы, а не наши придурки!

– Мама, – в один голос вскрикнули Степан и Петя, – ты совсем из ума выжила.

– А ну молчать! – рявкнула Фрида, и сыновья тут же за-

ткнулись. – Не я сумасшедшая, а вы полные идиоты. Да те же соседи начнут за спиной судачить, что Войцеховские убили невестку и сделали все, чтобы избежать ответственности. К вашему сведению, от нас сегодня ушла домработница. Приехала ее мать и сообщила, что не может разрешить дочери работать в доме, где убивают людей. А так мы получим бумагу, где черным по белому будет написано, что Лариска умерла в результате болезни. И тогда рта никто не посмеет открыть. Так что, ослы, извинитесь перед Дашей и поблагодарите ее за хлопоты. И еще, советую обращаться со мной уважительно, дом приватизирован на мое имя. Будете хамить – завещаю его приюту для собак.

С этими словами старуха выкатилась в коридор. Никто не проронил ни звука.

– Мама становится невыносимой, – вздохнул Степан. – Прости, Даша, мы не знали, что все придумала Фрида. Жаль, конечно, что ты нас не предупредила, но ничего не поделаешь. Кстати, милиционеры велели всем находиться дома, хотя каждого допросить.

Я покинула гостиную и пошла искать Фриду. Старуха сидела в своей комнате и раскладывала мулине. Несмотря на свои восемьдесят, вдова сохранила острое зрение и вышивала небольшие картины для родственников и знакомых в качестве подарков на Новый год и дни рождения.

– Люлю была моей подругой, – начала я оправдываться прямо с порога, – и хотелось...

– Прекрати, – прервала меня Фрида, – абсолютно правильно поступила. Люлю – противная баба, но она носила нашу фамилию, а Войцеховские никогда не были замешаны ни в одной грязной истории.

Извинившись перед старухой, я решила еще разок заглянуть в будуар Ларисы: вдруг найду что-нибудь стоящее. Но только принялась оглядывать полки, как послышались шаги, и кто-то вошел. Ужасно! Еще подумают, что ищу сокровище! Я быстро залезла под кровать, но из-за длинного покрывала сумела рассмотреть только элегантные темно-серые лодочки на изящном каблуке. Женщина села на диван. Интересно, что она делает? Ничего не видно, ноги неподвижны.

Тут дверь снова открылась, и появились мужские ботинки – коричневые, из крокодиловой кожи, с небольшими пряжками. Я услышала звук запираемого замка и увидела, как мужские ботинки приблизились к туфлям. Все происходило в полном молчании. Я терялась в догадках. На пол упали юбка и нижнее белье. Туфли и ботинки остались пустыми, зато начал тихо поскрипывать диван. Ситуация стала пикантной. Больше всего я боялась чихнуть или кашлянуть, чтобы не испугать до полусмерти незадачливых любовников. Господи, зачем им понадобилась для этого комната покойной?

Парочка между тем тихонько оделась и покинула поле страсти. Постанывая, я вылезла из-под кровати. Не так уж комфортно лежать на холодном, пыльном полу. Искать улики расхотелось, и я вернулась в гостиную, намереваясь вы-

пить в неурочный час чашечку кофе. Там я застала Лену, с рассеянным видом искавшую что-то в большой коробке с пуговицами. В глаза мне бросились ее практичные бежевые мокасины.

– Неприятная история, – пробормотала Лена, не поднимая головы.

– Вы ведь ее племянница? – решила я завести разговор. – Но насколько мне известно, у Люлю не было братьев и сестер?

– Она просто звала меня племянницей, – грустно проговорила девушка, – хотя на самом деле моя бабушка приходилась сестрой ее бабушке. Вот такие дальние родственные связи.

В гостиную медленно вошла Диана.

– Ну и скучища, – сказала она, – ничего себе праздники. Хозяйка умирает, хозяин запирается в кабинете, а гости ждут допроса.

Мы с Леной промолчали. Девушка искала пуговицу, а я во все глаза глядела на элегантные темно-серые лодочки Дианы. Так, Джульетта обнаружена. Кто же Ромео? Он не заставил себя ждать. В гостиную буквально влетел Петька со словами:

– Приехали менты, собираются учинить всем допрос.

Коричневые ботинки из крокодиловой кожи с золотыми пряжками совершенно не гармонировали с его синими брюками и черным свитером. Значит, Диана и Петька? Славная пара: жук и жаба. Понятно, почему эти Тристан с Изольдой

спрытались в будуаре. Боялись грешить в спальнях, куда в любую минуту могли войти их супруги.

На следующее утро я предложила отвезти к себе домой Мишу с Машей. Степан обрадовался:

– Чудесно, мальчишка слишком сильно переживает. Сегодня отдадут тело, и через несколько дней похороним Люлю.

Но Степан ошибся. Ларису не отдали. Более того, когда во второй половине дня я вернулась, в гостиной царило необычайное возбуждение. При вскрытии в организме Люлю было обнаружено такое количество стрихнина, что его хватило бы для убийства десятых солдат.

– Причиной смерти явилось отравление, – смущенно объяснял пожилой милиционер. – Лариса Войцеховская оказалась абсолютно здоровой, только небольшие камни в желчном пузыре. Скажите, у нее были причины для самоубийства?

– Никаких, – фыркнул Степан. – Мы чудесно жили, вполне успешно занимались бизнесом, вообще Лара обладала на редкость жизнерадостным характером, почти никогда не унывала, не помню ее плачущей. Нет, жену отравили, и я хочу знать, кто это сделал!

– Не так давно Люлю купила банку отравы для крыс, – спокойно сообщил Петр, – один раз она уже перепутала упаковки и «посолила» стрихнином суп. Может, еще раз ошиблась и положила себе в чай яд вместо сахара? Лариска накладывала в чашку по пять ложек песка!

Милиционер прилежно записывал сведения в блокнот.

Ближе к вечеру я стала упаковывать сумку. Хватит, больше не могу, поеду домой. Вещи валялись из рук. Ладно, схожу к местному мяснику, привезу детям в подарок пару банок чудесного паштета.

Я спустилась на первый этаж и пошла на кухню спросить кухарку, у кого она покупает волшебный паштет. Но кухарки не было, зато я увидела там Петю и Диану, которые о чем-то шептались.

Ужасно любопытно, вход в кухню в самом конце темноватого коридора, никто не заметит, если подслушаю.

– Ты уверена, что нашла алмаз? – взволнованно спросил Петя.

– Гляди, – отвечала Диана, – видишь, какой большой! Даже не представляю, сколько карат. Надо съездить в Москву, оценить.

– Молодчина, – обрадовался Петя, – давай его сюда, завтра же с утра и отправлюсь.

Диана тихонько засмеялась:

– Нет, дорогой, нашла-то я, мне и оценивать. Что в завещании сказано? Сокровище принадлежит тому, кто его отыщет. И если это настоящий брильянт...

– То что? – ухмыльнулся Петька.

– То нам вовсе не обязательно рассказывать всем о находке. Просто исчезнем, и все, начнем новую жизнь.

Послышался звук поцелуя.

– Как ты думаешь, – спросила через секунду Диана, – кто убил Ларису?

– Язык у нее длинный был, – сообщил Петя, – вечно намекала, что в курсе всех гадостей. Мне с этакой ухмылочкой сообщила, что я изменяю Анне. «Знаю, знаю, – говорит, – с кем проводишь свободное время». И Лене что-то сказанула, сам видел, как девица из ее комнаты вылетела вся красная. Ладно, пошли отсюда.

Я быстро побежала в холл. Как ни печально, но Петька прав. Была у Люлю такая слабость – намекать людям на их тайны. Конечно, шантажисткой ее не назовешь, потому что выгоды от этого она не имела никакой. Но удовольствие получала колоссальное. Помню, как Лариса в присутствии одного незнакомого мне мужчины всерьез рассуждала о том, что венерические заболевания передаются из поколения в поколение, как ни лечи. То есть если ваша бабушка болела сифилисом, то и вы получите рано или поздно эту болячку.

– Знаю как врач, – уверенно щебетала подруга, – это новые данные, просто революция в науке.

Гость стушевался и быстро откланялся. После его ухода я спросила у Лариски:

– Что за чушь ты только что несла о венерических заболеваниях?

Люлю радостно рассмеялась:

– Здорово он удрал, в момент исчез. До чего же противный! Все набивается к Степке в друзья, деньги без конца

одалживает. И вдруг маленькая птичка принесла на хвосте пикантную подробность. Его мать, оказывается, скончалась в больнице для хроников от незалеченного сифилиса. Надеюсь, больше никогда не встретимся.

Наверное, поэтому у Лариски было так мало подруг. Ну кому хочется в разгар приятного вечера услышать о себе полную правду. Ладно бы избавлялась таким образом от врагов. Так нет же, порой просто не могла удержаться. Огневые перестали появляться в доме после того, как Люлю намекнула, что знает о трех годах, проведенных женой за решеткой. Комаровы исчезли в результате невинного сообщения о том, что многие дети умирают, не дожив до года. А позднее я узнала о таинственной смерти несколько лет тому назад сына Наташи Комаровой. Младенец задохнулся во сне, оставшись наедине со своим отчимом. И уже совсем непонятно, почему обиделись Волковы. Лариска крайне мило рассуждала об умственных способностях различных рас, отметила тщательность китайцев, вежливость англичан и глупость негров. Кто мог подумать, что дедушка Гены Волкова выходец из Алжира, да еще и негр в придачу? Тут вообще не на что обижаться! Печально другое – и Огневые, и Комаровы, и Волковы хорошие друзья Войцеховских, и, если бы не любовь Люлю к безудержному выбалтыванию чужих тайн, дружба длилась бы и по сию пору.

Интересно, что и кому сказанула Ларка накануне своей гибели? У кого в доме есть страшная тайна, для сохране-

ния которой понадобилось убить болтуню? И как вообще ее отравили, куда насыпали яд? Обедали мы без нее, уставшая Люлю заснула. Степан послал за женой Мишу, но мальчик не стал будить мать. Утром все завтракали вместе. Насколько помню, в тот день подали омлет с сыром, тосты, джем, масло, сахар, кофе и чай. Омлет лежал на большом блюде, и каждый сам брал понравившийся кусок. Скорей всего никакого яда там не было. Глупо засовывать отраву в еду, которая может не достаться «клиенту». Кофе насыпали из общей банки, чай пила только Маруся, масло мазали все, да и джем тоже. Сахар, конечно, безвреден. Нет, за завтраком все было в порядке. И потом, слопав слоновью порцию отравы, Лариска не сумела бы принять тяжелые роды. Что ела и пила несчастная между завтраком и несостоявшимся обедом? Я пошла на кухню. Кухарка Войцеховских, необъятная Катька, лакомилась кофе со сгущенкой.

– Угостите чашечкой Nescafe, – стала я подбираться изда- лека к цели своего визита, оглядывая гору посуды, оставшу- юся после ужина.

Приветливая Катерина налила большую кружку аромат- ного напитка и принялась причитать:

– Бедная Лариса, вот ужас! Как она отравилась?! Ума не приложу.

Всхлипывая, Катька поведала, что Люлю терпеть не мог- ла возиться на кухне. И это очень устраивало кухарку. Хуже нет, когда хозяйка вечно сует свой нос в кастрюли. Лариса

же только заказывала меню и никогда не ругалась, если Катерина вдруг вместо предполагаемого мяса подавала рыбу. Люлю не делала замечаний и не давала советов. Сама становилась к плите крайне редко. Именно в тот день, когда Катя отправилась на похороны своей матери, Люлю и перепутала стрихнин с солью.

– Владимир Сигизмундович кричал, что она решила его отравить, – сплетничала кухарка, – но, по-моему, он сам в это не верил. Люлю такая беспечная! Побегала травить крыс в питомнике, потом поставила банку на стол и давай суп готовить. А банки-то все одинаковые.

И она показала рукой на ряды белых фарфоровых емкостей.

– Надо же было догадаться и насыпать отраву в одну из них, – недоумевала Катька, – а накануне она крепко поругалась со стариком. Уж не знаю, что у них там вышло, но я заглянула вечером в столовую, а они почти в темноте шипят друг на друга, как змеи. Увидели меня и замолчали, – старик красный, как помидор.

– Не помните, в день смерти Лариса заходила на кухню?

– Забегала.

– А зачем?

Кухарка замялась, потом махнула рукой и рассмеялась.

– Ладно уж, расскажу, теперь все равно. Лариса давно пыталась похудеть, старуха ее изводила, то коровой назовет, то лошадыю! Вот и травилась всякими препаратами, да без тол-

ку. А тут прибегает, веселая, и таблетки показывает: «Смотри, Катерина, никому не говори, теперь точно стану стройной. Хочешь попробовать?» Меня Господь тоже телом не обидел, но есть лекарства не собираюсь, так и сказала. А хозяйка рассмеялась и давай капсулы глотать. За тем и приходила, чтобы никто не видел, что она новое средство нашла, и не насмеялся над ней.

Посудачив еще немножко со словоохотливой Катериной и выслушав ее сетования о глупых домработницах, боящихся невесть чего, я пошла к себе.

Капсулы, вот что ела Лара! И скорей всего, отраву подсыпали именно туда. Кстати, а где сейчас хранится банка с ядом? Пришлось вернуться на кухню.

– Степан Владимирович велел держать отраву в кладовой, – сообщила Катя, – стрихнин насыпали в небольшую стеклянную банку с притертой пробкой и наклеили на нее бумажку «яд», чтобы опять не ошибиться.

Я заглянула в небольшое помещение, где стояли коробки со стиральным порошком, средства для натирки полов и мебели, разнообразные аэрозоли. Но нигде на полках не обнаружилось ничего похожего на банку с отравой. Яд просто-напросто испарился.

Глава 7

Искать убийцу следовало среди домашних. В этом я была абсолютно уверена. Пока узнала только одну тайну, известную Люлю, – Петя и Диана любовники. Но это показалось мне слишком мелким, подумаешь, изменяют супругам, эка невидаль. Немного больше надежды я возлагала на квитанцию, найденную в кресле. Что искала Люлю в хранилище?

Утром, сославшись на неотложный визит к зубному врачу, помчалась в архив. В просторном читальном зале не было ни души, только миловидная средних лет служительница, поглощенная чтением. Взяв у меня 200 рублей, женщина принесла довольно тяжелую книгу. Я открыла пахнущий старой бумагой переплет. Перед глазами замелькали фамилии тех, кто в январе 1947 года сочетался браком. Я листала страницы, недоумевая, что могло тут заинтересовать Люлю. Наконец глаз наткнулся на знакомые имена: 16 января, 13.15, Владимир Войцеховский и Фрида Капстыньш, адрес жениха – Комарово, адрес невесты – Хлебный переулок. Свидетели: Софья Михайлова, проживающая на улице 8 Марта, и Константин Косов – Хлебный переулок. Возле фамилий свидетелей тоненький восклицательный знак. Я нашла то, что интересовало Люлю.

День сегодня выдался чудесный, больше похожий на весенний. Резко потеплело, снегопад прекратился, из-за туч

выглянуло веселое, яркое солнце. Я села в «Пежо» и, закурив, стала рассматривать подробную карту Москвы.

К моему глубокому удивлению, дом в Хлебном переулке стоял, как и в 1947 году. Правда, теперь его украшала вывеска «Отель». Конечно, гостиницей здание можно было назвать лишь с большой натяжкой. Маленький двухэтажный домик. Правда, фасад аккуратно выкрашен. Внутри, в небольшом холле уютно выглядели два кожаных дивана и кресла, слева дверь, украшенная табличкой «Главный администратор». Распахнув ее, я увидела за серым офисным столом приятного юношу.

– Что желаете? – спросил он, улыбаясь.

Я тоже улыбнулась.

– Вы навряд ли мне поможет. Нет ли среди служащих людей пожилого возраста?

– Сомневаетесь в моей компетенции? – удивился парень. – Впрочем, если надо, могу позвать хозяина, хотя работаю тут уже пять лет и до сих пор справлялся.

– Нет, нет, – успокоила я его. – Просто разыскиваю одного человека. Он жил в этом доме в 1947 году.

– Да, – засмеялся администратор, – меня еще и на свете-то не было. А кого, если не секрет?

– Константина Косова.

– Ха, – мальчишка в ажиотаже стукнул кулаком по столу. – Это ведь мой дед, и вы, кстати, вторая дама, которая разыскивает его.

– А как выглядела первая?

– Полная такая, высокая и веселая тетка в бежевом пальто. Прикатила на темно-зеленом «Вольво».

Так, все верно, иду по следу Люлю.

– Можно увидеть вашего деда?

– Запросто, сейчас позвоню, и старик обязательно вас пригласит, он обожает гостей, в особенности женщин.

Парень принялся тыкать пальцем в кнопки телефона, и через пару минут я уже поднималась по узкой лестнице. Последняя дверь в конце коридора распахнулась, и на порог ступил высокий, стройный мужчина, совершенно непохожий на дедушку. Сколько же ему лет? Если в 1947 году он был свидетелем на свадьбе, значит, сейчас ему где-то около семидесяти, не меньше. Но как здорово выглядит.

– Это вы прелестная особа, разыскивающая дряхлого Константина Сергеевича Косова? – хорошо поставленным голосом спросил мужчина и засмеялся, приглашая меня войти. За дверью оказалась не комната, а целая квартира. В небольшой кухоньке кипел чайник, наполняя резким свистом прелестную гостиную, куда Косов провел меня.

Необыкновенно уютная комната, но сразу видно, что здесь живет холостяк. Пепельница полна окурков, на спинке стула висит пиджак, посередине круглого обеденного стола разлегся крупный персидский кот. Ни одна хозяйка не потерпит такого беспорядка в ожидании неизвестной гостьи.

– Хлебнете коньячку? – предложил хозяин.

– Спасибо, за рулем.

– Подумаешь, – отмахнулся Константин Сергеевич, – рюмочка не повредит.

– Нет-нет, лучше кофе.

– Кофе так кофе, – покладисто сказал Косов и заварил немыслимую бурду, куда щедро налил сливок и насыпал четыре ложки сахара.

Из кухни появился второй кот и прыгнул мне на колени. Константин Сергеевич достал кекс и хлеб с изюмом.

– Угощайтесь, – радушно пропел он, – уж я-то знаю, как девочки любят сладкое.

В мои сорок с хвостом я, видимо, показалась ему совсем юной. В гостиной с нераздвижными до конца тяжелыми гардинами было темновато. Я маленькая, щуплая, с короткой стрижкой, вот и смотрюсь подростком.

– Чему обязан? – церемонно осведомился хозяин, откидываясь в кресле.

Отхлебнув немыслимый напиток, я спросила:

– Знали ли вы когда-то Фриду и Владимира Войцеховских?

Косов удивился:

– Вот уже вторая дама интересуется моими друзьями. Да, я хорошо знал Вольдемара и даже был свидетелем на их свадьбе.

– И часто потом встречались?

– Очень близко дружили до поездки Вольдемара в Ленин-

град, а потом он вернулся, женился на Фриде, и они отправились в Ригу, так что я потерял с ними связь.

Я тряхнула головой, пытаюсь оценить информацию:

– Вольдемар часто ездил в Ленинград?

– Да нет, если знаете, он служил ветеринаром, работал в Подмосковье, кстати, хорошо зарабатывал. Поездкой в Ленинград его премировали за ударную работу. Была такая форма поощрения сотрудников.

– Не знаете, где они познакомились с Фридой?

– О, это романтическая история. Оказались рядом на концерте в Питерской консерватории, оба обожали классическую музыку. Фрида – латышка, все ее родственники погибли в войну, во время бомбежки, и бедная калека осталась одна-одинешенька.

– Калека?

– Вы не знали? Фрида слепая на один глаз, а второй еле-еле видит, к тому же с трудом переносит яркий свет, поэтому девушка постоянно ходила в темных очках.

– Как? – оторопела я, вспомнив, что только вчера «полуслепая» старуха громко выговаривала кухарке, обнаружив в масленке волос.

– Ужасная трагедия! Во время бомбежки в Риге у Фриды на глазах погибли отец, мать и сестры. Молодая женщина от шока потеряла зрение, – истерическая слепота. Потом, к счастью, один глаз почти восстановился. Сейчас покажу фотографию, мы снялись на память после бракосочетания.

Пока я в растерянности переваривала услышанное, мужчина вынул из секретера большой альбом и продемонстрировал слегка пожелтевший снимок. Молодой Вольдемар в старомодном пиджаке с невероятно широкими лацканами и белой гвоздикой в петлице нежно держал за руку очаровательную Фриду. Надо же, какая красавица! Ни за что бы не подумала. Просто Мерилин Монро. Белокурые волосы, чудесный рот. Роста она была небольшого, едва доставала мужу до плеча, с осиной талией, которую, казалось, можно обхватить двумя пальцами. По бокам с гордым видом стояли свидетели – буйнокудрявый Константин, тоненький, похожий на барашка, ребенок и крупная девушка со слегка лошадиным лицом.

Господин Косов грустно похлопал себя по лысине:

– Да, были когда-то и мы рысаками. Расчески просто лопались, не то что теперь – замшевой тряпочкой лысинку полирую. Смотрите, вот у Фриды темные очки, пол-лица закрывают, а жаль, она такая хорошенькая.

– Как Владимир Сигизмундович познакомил вас с Фридой?

– Просто. Привел сюда, в Хлебный переулок. Видите ли, у меня по тем временам была непозволительная роскошь – собственная квартира. Вот эта самая. Москвичи после войны жили просто в ужасающих условиях, сплошные коммуналки. Номер в гостинице, конечно, не достать. Только командированные по броне проживали. Отвезти Фриду к себе

домой Вольдемар не мог. Снимал комнату у хозяйки, и та запрещала приводить женщин. Так Фрида оказалась у меня и жила, раздражая Соньку, до самой свадьбы.

– Кто такая Сонька?

Константин Сергеевич ткнул пальцем в снимок, указывая на девицу с лошадиным лицом:

– Вот она, Соня Михайлова, Софья Петровна. А рядом сынок – Федька. Походил на ангела, а на самом деле сущий чертенок, я из-за него и не женился на Соне, пришлось бы это сокровище воспитывать. Конечно, Соньку злило, что здесь поселилась посторонняя девушка, к тому же такая хорошенькая и воспитанная. Соня-то из деревни, все ложкой ела, а Фрида из Риги, по тем временам – жуткая заграница. Только обедать сели, гостья и спрашивает: «Простите, можно салфетки?» Я было к буфету, а Сонька и сообщает: «А на фига тебе салфетки, поешь и умоешься, еще деньги на бумагу тратить». Я так и покатился от хохота. А Фрида только улыбнулась и вежливо произнесла: «Вы правы, умыться намного экономней». Гостья прожила две недели, а после свадьбы они отправились в Ригу. Вроде там у новобрачной остался дом и какое-то наследство. Короче, подробностей не знаю. Уехали и как в воду канули: ни писем, ни открыток. Странно даже, одно время думал, они умерли.

На самом деле непонятно! Интересно, что сказал бы Константин Сергеевич, узнай он о местожительстве Войцеховских? Почему приятель наврал о переезде в Ригу и прекра-

тил всякие отношения?

– Софья Петровна жива? Не знаете?

Косов вытащил легкие ментоловые сигареты и со вкусом закурил.

– Что ей сделается? Жива-здорова. Вышла замуж за сельского жителя, поселилась в Комарове, коров держит. Ну да там ей и место.

– В Комарове? – изумилась я. Ну надо же, какое совпадение.

И, узнав у Косова адрес, поехала к Михайловой.

Судя по всему, та не бедствовала и вполне успешно занималась фермерством. Большой добротный дом, в глубине участка кирпичный коровник, два гаража, у центрального входа стоят блестящие «Жигули».

В холл меня впустила девочка возраста Маши. Потом появился ее отец. Я сразу узнала его. Тщедушный, похожий на барашка мальчик превратился в грузного, красномордого мужика. Но глупые бараньи глаза навывкате остались теми же. Следом за сыном и внучкой вышла, вытирая руки о фартук, Софья Петровна, крупная, с большой челюстью и внушительным носом.

– Проходите на кухню, – проговорила она. – Костя позвонил мне и сказал, что хотите поговорить о Войцеховских. Только никак не возьму в толк, зачем они вам понадобились?

И она уставилась на меня в упор семейными выпученными глазами. Надо же, какая подозрительность. Пришлось

спешно придумывать весомый повод.

– Адвокатская контора поручила разыскать Фриду или каких-нибудь ее родственников. Речь идет о наследстве, – торжественно соврала я.

– Деньги к деньгам, – вздохнула Софья Петровна и хитро спросила: – И давно ищите?

Я растерялась.

– Недели две, а что?

– А то, – захихикала старуха, – что Войцеховские живут совсем рядом. Их кухарка покупает у меня творог, сметану и сливки. Наши продукты даже в Москве известны. Бедные москвичи, редко удается им полакомиться настоящим молоком. Хотите попробовать?

И она стала наливать из красного кувшина белую жидкость. Я вздохнула. Ненавижу молоко, пить его просто так не могу вовсе, а вид пенки вызывает рвотные судороги. Здесь же передо мной оказалась огромная кружка, сверху плавал желтый остров. Отказаться невозможно, старуха обидится и не скажет ни слова. Стараясь не дышать, я в три огромных глотка осушила емкость, чувствуя, как скользкий комок пенки медленно стекает в желудок. Софья Петровна смотрела на меня во все глаза.

– Правда вкусно?

Еле переведя дух, я утвердительно кивнула.

– Хотите еще? – и ее рука опять потянулась к кувшину.

Я в ужасе затрясла головой:

– Нет-нет, очень сытно, просто как пообедала.

Софья Петровна расплылась в довольной улыбке:

– Это молоко от Марианны, оно и впрямь жирное, как сало.

Меня передернуло, и выпитое содержимое кружки стало медленно подниматься вверх. Судорожными глотками отправив его снова вниз, я сказала:

– Как же так? Живут рядом, а вы не общаетесь, да и господин Косов уверен, что Владимир Сигизмундович с Фридой живут в Риге! Почему они от него скрылись, вроде хорошие друзья!

Софья Петровна от души расхохоталась:

– Костя! Да он жуткий бабник, до сих пор при виде любой юбки дрожит! Спорю, строил вам глазки! Только сейчас-то силы подрастерял, а в молодости никого не пропускал. Я поэтому за него замуж и не пошла, хотя была бедной девчонкой, а у него квартира. И правильно сделала! Константин пять раз женился, и все жены убегали, не прожив с ним и года. Как только Вольдемар привез эту хитрюгу Фриду, Костик сразу хвост распушил. Только она притворялась полуслепой латышкой и делала вид, что ничего не понимает. Тогда он распустил руки. Фрида пожаловалась Вольдемару, и дружба врозь.

– Почему вы решили, что Фрида прикидывается?

Софья Петровна прищурилась:

– И решать-то нечего, все видно. Во-первых, вещи. Я за-

глянула в ее саквояж. Две кофты, одна юбка и пара белья – все новое, купленное в Москве, даже чулки наши. Знаете, как после войны было с чулками? Ни за какие деньги не купить! Их привозили контрабандой из Риги. Вся Москва щеголяла в рижских фильдеперсовых. А эта латышка где-то раздобыла московские! Разве не странно? Логично было прихватить с собой целый чемодан чулок, чтобы потом не бегать по черному рынку. Так нет! Губная помада и пудра тоже наши, и обувь такая, как у всех!

Фриде удалось Вольдемару мозги запудрить, и Костя тоже поверил в сказочку о погибших родственниках, все жалел нахалку! А уж что она из себя корчила! Утром двадцать минут моется, вечером – полчаса! Просто как шахтер. Сели ужинать – эта цаца без ножа есть не может, салфетки потребовались, туалетная бумага. Я без всего этого великолепно обходилась. И никакая она не латышка, и видела превосходно, кругом одна ложь.

– А это почему? – поинтересовалась я.

– Моя сестра училась на парикмахера, и ей подарили журнал с прическами. Картинки, фотографии, а внизу описание, как стричь. Нужная вещь, Надька все расстраивалась, что прочесть не может, – издание на латышском языке. Так он у нас и валялся без толку. Только Фридка появилась, я к ней, – переведи! Та журнал в руках повертела и сообщает, что плохо видит, шрифт слишком мелкий. Но я настырная, давай, говорю, вслух прочту. А эта «латышка» принялась смеять-

ся: произношение неправильное, и ничего она не разбирает. Только, по-моему, просто языка не знала. Да еще с Вольдемаром в кино ходила. Хороша слепая! Правда, потом говорили, что Фрида в кино ничего не увидела. Но меня не проведешь! Никакая она не латышка!

– А кто? – изумилась я, окончательно растерявшись.

– Немка! После войны немцев ненавидели, а в Риге их много было. Вот Фридка и соврала, чтобы жить спокойней. Только сейчас ложь потеряла всякий смысл. К немцам хорошо относятся, позабыли про Гитлера и войну. Так нет, твердит до сих пор, что латышка, смех!

Глава 8

Записав хорошо известный мне адрес Войцеховских, я поехала к ним и успела как раз к обеду. Суп подали ровно в пять. Все молча расселись. Только Степан опустил половник в супницу, как в столовую вкатилась Фрида и швырнула на стол газету. Издание угодило прямо в салат, и жирные пятна майонеза попали Петьке на пиджак.

– Мама, – возмутился тот, – ты с ума сошла?

– Я нормальная, – неожиданно спокойно сообщила Фрида, – псих кто-то из вас. Прочитайте!

Степа вытащил газету, обтер ее салфеткой и зачитал вслух сообщение, жирно обведенное красным фломастером:

– «Трагедия в семье Войцеховских. Лариса Войцеховская, хозяйка питомника йоркширских терьеров, найдена мертвой в своей спальне. Несчастную отравили крысиным ядом. Наш репортер взял интервью у господина Криппена¹, который проводит в доме новогодние праздники. «Господин Криппен, что вы можете рассказать о происшедшем?» – «Всю правду. Лариса оказывала разнообразные услуги китайской разведке. Шпионские сведения передавались в коробках с собачьим кормом. В частности, она продала Пеки-

¹ Харви Криппен, лондонский врач, убивший в начале века с особой жестокостью свою жену, был разоблачен и казнен. Имя Криппена стало таким же нарицательным, как имя Джека-Потрошителя.

ну рецепт и технологию производства хлебного кваса, который является национальным достоянием России. К тому же Люлю состояла в противозаконной связи с послом Пекина в России господином Жэньминь Жибао. Вполне вероятно, что от женщины решили избавиться маоисты». – «Откуда Лариса знала китайский язык?» – «Разве вам не известно, что ее мать китаянка?» – «Нет, мы только предполагаем, что Фрида Войцеховская латышка». – «Тогда вы знаете не всю правду. Мать Ларисы – китаянка, а отец – странствующий эскимосский проповедник». – «Вы рассказали обо всем милиции?» – «Нет, сообщил вашей газете эксклюзивные сведения». Читайте наши новости, только мы получаем новейшую информацию. Ольга Семенова, специальный корреспондент».

Секунду все растерянно молчали. Потом Диана захихикала и спросила:

– Вот это да! Кто же из вас господин Криппен?

– Не нахожу здесь ничего смешного, – процедила старуха, – половина городка – идиоты. Они поверили заметке. Тот на меня так странно смотрели на почте и в аптеке. Ну, быстро признавайтесь, в чью голову пришла светлая идея так пошутить?

Кирилл развел руками:

– Каюсь. Когда ненормальная репортерша налетела на меня с диктофоном, сразу назвался Криппеном. Думал, поймет и тут же отстанет. Смотрю, проглотила и как ни в чем не бывало вопросами сыплет. Решил подшутить над дурой. Пола-

гал, что вернется в редакцию, а там начальники прочтут интервью и дадут идиотке по шапке. Ну кто мог подумать, что эти кретины все напечатают? За версту видно, что бред!

– Тебе видно, – завелся Петька, – а нам тут жить. Мать права, чертовы провинциалы начнут пальцами в нас тыкать. Пришло же в голову так пошутить!

– Надо дать опровержение, – заметил врач.

– Правильно, – подхватил Степан, – Кирилл сейчас пойдет в редакцию и скажет, что пошутил.

– Ага, и буду выглядеть полным идиотом, – буркнул Кирилл.

– Ты подумал, как выгядим мы? – вспыхнул Петька. – Да Мишке в школе дети проходу не дадут. Пойми, здесь не Москва, где поговорили и забыли. Тридцать лет тому назад молочница Верка убила своего мужа. Суд оправдал ее, муженек был пьяной свиньей и регулярно избивал бедняжку до полусмерти. И что ты думаешь, кое-кто до сих пор не покупает у нее молоко, а внук вынужден посещать школу в соседнем городке. Одноклассники все спрашивали его о бабушке-убийце. Тридцать лет помнят! Идиотская шутка.

– Опровержения не помогут, – сообщила Лена, – все и так уже поверили в китайскую шпионку. Ладно бы на похороны могла приехать мать Люлю. Глянули бы и поняли, что никакая она не китаянка. Так тетя Маргарита умерла! Лучше всего, если милиция отыщет киллера. Тогда он расскажет, зачем убил Люлю, и все заткнутся.

Наступило молчание. В тишине лишь позвякивали столовые приборы. Молчание нарушила Диана:

– Смотрите! – Женщина вытащила из кармана большой брильянт и положила на стол. Огромный, размером с крупное куриное яйцо камень переливался всеми цветами радуги. Свет от люстры дробился в многочисленных гранях, и корунд горел словно елочная лампочка.

– Да, – выдохнул Степа, – ты нашла наше сокровище, где?

– В чучеле совы, – ответила Диана. – У тебя в кабинете стоит жутко грязная сова, ужасная вещь, никогда бы не смогла стать таксидермистом. Хотела взять книгу, подвинула чучело. Оно показалось слишком тяжелым. Я распотрошила его, и, пожалуйста, забирайте брильянт, мне чужого не надо. У нас с Кириллом и так все есть, правда, дорогой?

Кирилл кивнул, не сводя глаз с драгоценного булыжника. Я молча глядела на Диану. Значит, она сегодня съездила в Москву, оценила камень, узнала, что это подделка, и решила продемонстрировать Войцеховским свою преданность и честность. Анна спокойно ела суп, Петька мирно намазывал хлеб маслом. Фрида протянула сухонькую ручонку и ухватила корунд, внимательно оглядела его и произнесла:

– А я все гадала, куда подевалась пробка от кувшина.

– Что ты хочешь сказать? – изумился Степан.

– Ничего, кроме того, что это стекляшка. Вольдемар велел огранить хрустальную пробку. Здорово получилось, на первый взгляд не отличить. Но, если приглядеться, смотрите. –

И старуха, взяв острый нож, кончиком чиркнула по алмазу. На сверкающей грани появилась длинная царапина.

– Ну и шутник был ваш покойный муж, – рассмеялся Серж. – Первый раз встречаю такое!

– Отцу приходили в голову дикие идеи, – разочарованно вертя в руках пробку, сообщил Степа. – Жуткий авантюрист. Вот ему, наверное, понравилась бы шутка Кирилла, как раз в его духе.

Фрида усмехнулась:

– Вольдемар был веселый, озорной человек, до седых волос мальчишка. Моложе всех вас, вечно смеялся, никогда не ныл, как Петя, и не делал серьезного лица, как Степа. С ним я чувствовала себя молодой, а с вами – старухой.

Анна попыталась предотвратить ссору:

– На десерт ванильный крем и мороженое.

Степан отмахнулся:

– От всех дурацких шуток у меня пропал аппетит. Пойду отдохну после обеда.

Он быстрым шагом вышел из столовой, Анна последовала за ним. Петька закурил вонючую сигару и пробормотал:

– Ну и шутники.

Кирилл тоже встал и, отказавшись от десерта, вышел. Остальные в молчании доели сладкое и пошли отдыхать.

Вечер прошел тихо. Степа не высовывался из спальни. Петя и Диана играли в гостиной в нарды, старуха громовым голосом пела в комнате песни своей молодости. Серж и Лена

опять уединились в кабинете. Поужинали рано и улеглись. Я дочитала привезенный с собой детектив и где-то около часу решила сходить в кабинет. Помнится, на полках внизу стояло несколько криминальных романов.

Кабинет расположен между комнатой Лены и пустой спальней. Когда-то здесь находились покои прежней хозяйки. И комнату Лены отделяет от кабинета крохотная, метра три, ванная с унитазом и небольшой раковиной. Через ванную можно из кабинета попасть в комнату, и наоборот. Дверь замаскирована небольшим ковриком, и я, первый раз оказавшись в гостях у Люлю, испугалась, услышав звук льющейся из-за гобелена воды. Осталось непонятным, почему Степка, кардинально переделав весь дом, оставил эту дверь в нетронутом состоянии.

Я мирно рылась на полках, колеблясь между «Отрубленной головой» и «Кровавыми пальцами», когда в ванной послышался голос Лены:

– И как поступить?

– Не знаю, – ответил Серж, – тебе решать!

– Господи, – завела Лена, – если мы найдем сокровище, проблемы исчезнут.

Серж не отвечал, за дверью послышался звук спускаемой воды.

– Ты спишь? – спросила Лена.

Ответа не последовало.

– Серж, – настаивала девушка, – проснись!

Но мужчина молчал, послышались тихие шаги и звук открывающейся двери. В мгновение ока я оказалась на пороге кабинета и увидела, как Лена прошмыгнула в будуар Люлю. Любопытство погнало меня к комнате Ларисы. В замочную скважину было хорошо видно, как племянница лихорадочно роется в ночной тумбочке и, тихо чертыхаясь, перебирает бумажки. Внезапно дверь ее спальни открылась, высунулась встрепанная голова, и Серж свистящим шепотом спросил:

– Лена, ты где?

Нахалка замерла, я в ужасе отскочила от двери и в два прыжка, как кенгуру, отлетела в противоположный конец коридора. Свет не включали, и я надеялась, что ни Лена, ни Серж не заметят меня, вжавшуюся в стену. Но получилось еще лучше. Девчонка, как ошпаренная, выскочила из комнаты покойной и, не вглядываясь в глубь коридора, побежала в свою спальню. Я подождала, пока закроется дверь, и отправилась в будуар. Что искала тут Лена? Явно не сокровище. Девица просматривала бумаги, но той, что была ей нужна, в тумбочке не оказалось. Интересно! Я пролистала небольшое количество книг, стоящих на шкафу, и засунула еще раз руку между подушками кресла – ничего. Насколько я знаю, Лариса очень не любила, когда кто-то заходил в будуар. Ей вообще требовалось какое-то время проводить в одиночестве. Раньше, когда старуха еще могла ходить, будуар всегда запирался, что служило поводом для бесконечных подколов и шуток со стороны Владимира Сигизмундовича и Фриды,

но Люлю твердо стояла на своем. «Мой будуар – моя крепость», – говорила подруга. И где-то в крепости спрятана вещь, которая страшно нужна Лене.

Ночь стояла божественная. За окном в полной тишине падали крупные хлопья снега. Он налип на ветви деревьев, и они выглядели как на картинке. Да, такой холодной, снежной зимы в Москве давно не было, и я, облокотившись о подоконник, залюбовалась зимним пейзажем. Красота, как в мультиках Диснея. И тишина, тишина...

Внезапно послышался тихий скрип. Под моими локтями слегка покачивался подоконник. Подергав его, я обнаружила, что, похожий на мраморный, он на самом деле сделан из пластика. Дальше – больше. Нажав на подоконник, я поняла, что доска поднимается, и обнаружила внутри тайник, где стояла небольшая плоская коробочка. Только я ее схватила, как за дверью послышался шорох. Холодея от ужаса, я залезла под кровать.

В комнату босиком вошел мужчина. Опять перед глазами только ноги, причем в полумраке. Ступни приблизились к окну, раздался скрип подоконника, потом сдавленное ругательство и легкий щелчок. Ноги прошлепали к выходу, и дверь закрылась.

Я вылезла на середину комнаты. Кажется, это становится моим хобби – валяться под кроватью Люлю. В доме никто и не думает спать, все ищут. Кто сокровище, кто бумаги. Приотворив дверь, я выглянула в коридор – никого.

Оказавшись наконец в своей комнате, раскрыла коробочку и принялась перебирать добычу. Она оказалась невелика – маленький ключик с биркой, на которой выбито «К-9-98», сложенный листок бумаги и небольшая карточка-реклама. Последняя бумажка выглядела кошмарно: белая бумага с золотыми уголками. В левом углу нарисована девица с гипертрофированными бедрами и грудью. В правом – игривая надпись: «Наши девушки помогут расслабиться». Все ясно – реклама массажного кабинета, а по сути – публичного дома. Вот только непонятно, зачем она понадобилась Ларисе. Листок удивил еще больше, аккуратными печатными буквами в нем было написано: «Павел Степанович Буйнов, ул. 2-я Аэропортовская, д. 7/15, кв. 353. Ольга Петровна Никишина проживала там же. Москва». Кто такие Никишины? Какое отношение имели к Ларисе? Туман сгущался. Если Лена искала коробку, то что ей понадобилось – ключ, карточка или записка? И кто из мужчин знал про тайник под подоконником?

Глава 9

На следующий день, прихватив найденную добычу, я отправилась домой. Дети обнаружались в кабинете. Там же стоял и питбуль Банди. Маня, сопя, обмеривала его шею сантиметром.

– Пиши, – приказала она Мише, – обхват 48 см.

Потом увидела меня и обрадованно заорала:

– Мамулечка, ты приехала! А мы готовим доклад для Ветеринарной академии «Первичный осмотр собак». Только зря Банди взяли, он совершенно не желает показывать горло и не дает измерить температуру. Вот что, – обратилась она к Мише, – тащи сюда Черри.

Мальчик послушно побежал за пуделем. Увидев, как он беспрекословно повинуетя Машке, я вспомнила жалобы Ларисы на то, что сын постоянно молчит.

– Другие дети как дети, рта не закрывают, – сетовала подруга, – а мой молчит как пень, только улыбается. И легко попадает под чужое влияние. Хорошо, если друзья положительные, а вдруг наркоманы какие встретятся, так он и за ними пойдет, словно теленок.

Оставив детей разбираться с собаками и слушая недовольное ворчание Черри, которой пытались измерить температуру, я спустилась в гостиную и позвонила по телефону в массажный кабинет.

– Клуб «Бабочка», – бодро отозвался веселый девический голос.

– У моего брата день рождения, и я хотела сделать сюрприз...

– Прекрасно, – обрадовалась девица.

– Вот только не знаю, что придумать...

– Приезжайте к нам, подберем развлечение на любой вкус, – обрадовалась приемщица и продиктовала адрес.

Я ожидала увидеть в массажном кабинете розовые кокетливые шторы, бархатные диваны и полуголых девиц. В действительности же бордель напоминал гостиницу средней руки: офисная мебель и дама лет тридцати пяти в строгом английском костюме с неброским макияжем. Я исполнила песню о брате, которого хочу порадовать в день рождения. Администраторша поколебалась минуту и предложила:

– Хотите стриптизерку? Есть настоящие артистки. Одна работает с удавом.

– Нет, как-то слишком традиционно, – кривлялась я.

– А ваш брат какой направленности? – осведомилась дама.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, может, он бисексуал, и тогда можно заказать пару «день-ночь».

– Кого, кого?

– Белого парня и негритянку. Выделявают умопомрачительные вещи!

– Это слишком. На вечеринке будут гости, что-то невинное, пожалуйста.

Дама призадумалась:

– Еще есть «коробка с сюрпризом», правда, дорого!

– А это что?

– Вам привозят гигантскую коробку с бисквитным тортом.

Когда хозяин начинает резать его, изделие взрывается, и оттуда вылезает наша девочка. Очень эффектно, но и стоит соответственно.

– Она же вся будет в креме, – изумилась я.

– Да, – захихикала дама, – ее можно облизать, но за отдельную плату.

Меня едва не стошнило. Боже, платить кошмарные деньги за то, чтобы облизывать незнакомую и, вероятно, не совсем чистую девицу! Хуже извращения не придумать, на этом фоне даже любовь с козой выглядит мило.

Заметив на лице клиентки отвращение, администраторша сказала:

– А почему бы вам не вызвать к брату просто стриптизерку? Гости уйдут, а она и массаж может сделать. Какой хотите. Китайский, европейский, тайский, индийский. У нас настоящие профессионалки. Посмотрите наши альбомчики.

Она вытащила толстую книгу и сунула мне в руки. Каждая девушка занимала целую страницу. Сначала фото в одежде, потом без нее. Профиль, анфас, вид сзади. Лица проституток прикрыты масками, под снимками псевдонимы: «Мадемуа-

зель Огонь», «Мадам Страсть», «Кармен», «Лолита», «Госпожа Бонасье», короче – на любой вкус и даже цвет. В альбоме мелькали изображения негритянок и китаянок.

– Да, – протянула я, – на любой вкус. Опытный у вас хозяин.

– У нас хозяйка, – улыбнулась дама, – она на самом деле очень деловая и активная. Бизнес процветает. Так кого вам прислать?

– Стриптизерку, – я ткнула пальцем в первую попавшуюся девицу, не понимая, зачем понадобилось прятать визитку массажного кабинета, вон их сколько лежит на блюдечке – бери не хочу. Из задумчивости меня вывел голос служащей, требовавшей назвать адрес.

Сообщив ей первые пришедшие на ум улицу и дом, я снова впала в задумчивость. Ну совершенно ничего странного здесь нет – бордель как бордель.

– А имя, имя вашего брата? – вопрошала администраторша, явно полагая, что заказчица слегка тронутая.

– Сергей Радов, – пробормотала я и тут же спохватилась, но было поздно, дама уже записала инициалы клиента. И что мне теперь сказать? Ах, простите, перепутала имя родного брата? Думаю, профессор никогда об этом не узнает. Дама сказала, что стриптизерша прибудет сегодня в одиннадцать вечера, вручила квитанцию, и мы мило распрощались.

Следующий визит был к полковнику на работу. Откровенно говоря, мне хотелось поболтать с экспертом Женей,

поэтому мимо кабинета приятеля я кралась на цыпочках. Александр Михайлович страшно не любит, когда я ввязываюсь в какие-нибудь истории, и не делится никакой информацией.

Женька восседал возле большого лотка, в котором лежало что-то крайне неаппетитное. Увидев меня, он заулыбался:

– Рад встрече, опять нашла труп?

– Нет, нет, и как только тебе в голову приходят подобные мысли?

Женя ухмыльнулся:

– Насколько я знаю, у тебя дар влипать в неприятности.

Что на этот раз?

Я порылась в сумочке и вытащила ключик с биркой.

– Скажи, не знаешь, где может быть замок к этому ключу?

Эксперт задумчиво почесал в затылке, потом позвонил по телефону:

– Лева, зайди на минутку.

Через секунду появился незнакомый мне Лева в зеленом халате. Женька показал ключ. Лева ухмыльнулся:

– Обычно ищут ключ к замку, а вы наоборот. Что, положили миллиард в банк и не помните, в какой?

Я закивала головой, словно китайский болванчик. Лева хитро прищурился:

– Нехорошо обманывать милицию. Этой штуковиной нельзя открыть банковскую ячейку. Ключик от абонентского ящика на почте.

– Ужас, надо ездить по отделениям и спрашивать, чей ключ?

– Зачем? – изумился Лева. – Вот на бирке выбито К-9-98. Это почта, ящик ь 98. А что вы там спрятали? Расчлененку?

И он весело засмеялся. Милицейский юмор очень специфичен, мне шутка не показалась веселой. Дождавшись, пока Лева уйдет, Женька сообщил:

– Лучший специалист по замкам, а с тебя сочинение «Молодые годы Гаргантюа» к понедельнику, шесть страниц.

Женина дочь, Алиса, учится на втором курсе заштатного технического вуза. Девочку устраивало все, кроме... иностранного языка. Не секрет, что технарям язык преподают, как правило, ужасно. Вдолбят в головы тридцать-сорок расхожих фраз – и привет. Правда, и зачеты ставят беспрекословно. Но Алисе не повезло. Ей досталась въедливая старушка, искренне считавшая, что обязана обучить студентов. Бедные дети со стоном заучивали неправильные глаголы, боролись с домашним чтением и пели песни. Отчаявшись, студенты решили пойти испытанным путем: скинулись, положили сумму в конверт, подарок завернули в коробку конфет и преподнесли мучительнице. Бабулька тут же вскрыла ассорти, обнаружила взятку, порвала купюры, вышвырнула шоколадки в окно и велела читать Рабле в подлиннике. Отсюда и сочинение про детские годы Гаргантюа.

– Будет тебе сочинение, – успокоила я Женьку.

Внезапно эксперт спросил:

– Ключик откуда?

– Да так, – предпочла я отмахнуться.

– И все же, – продолжал настаивать Женя, – как он связан с делом Изабеллы Радовой?

– С каким делом?

– Той женщины, которую ты нашла застреленной возле телевизора, помнишь?

Да уж, такое не забудешь! Я изумилась до предела:

– Разве Изабелла не покончила с собой? Все ведь было ясно с первого взгляда – сидела в кресле, пистолет валялся рядом.

Женька погрозил пальцем:

– Ох, Даша, пытаешься выведать у меня служебные тайны. Да полковник небось давно рассказал и про отпечатки, и про раневой канал.

– Про что?

– Отпечатки пальцев, которые оставила на револьвере Изабелла Радова, очень странные. Если верить им, она держала пистолет мизинцем и большим пальцем, причем ухитрилась выстрелить не нажимая на спуск. На спусковом крючке не обнаружено никаких следов! И еще одна непонятная вещь. Получается, что она сначала положила голову на спинку кресла, слегка запрокинув ее, и лишь потом послала пулю в висок. Крайне неудобная поза, ни разу не встречал такую. К тому же трудно определить время смерти! Обычно помо-

гает разобраться с достаточной точностью содержимое желудка, но несчастная мадам весь день ничего не ела, а незадолго до кончины славно поужинала стаканом коньяка со снотворным. Не совсем обычный коктейль. Если помнишь, в тот день стояла жуткая погода, и в гостиной у Радовых на полную мощность работали два огромных электрообогревателя, просто турецкая баня, тело почти не остыло. Короче, все против эксперта.

По дороге на почтамт я ужасно злилась на Александра Михайловича. Ну надо же, ничего, совершенно ничего мне не рассказать. Как ему только не стыдно! А интересно, кто убил Изабеллу? Оставила ли она завещание, кому достанется ее имущество? Обязательно спрошу у Сержа. Вдруг она была богата и убийца – наследник? Такое часто случалось в моих любимых детективах!

Поглощенная своими мыслями, я проскочила перекресток на красный свет и была немедленно остановлена милиционером. Пока он оформлял квитанцию, я мусолила в голове на разные лады полученную от Жени информацию. Кем бы ни был таинственный убийца Беллы, это явно не Серж. Ведь в то время, когда Изабеллу убивали, я как раз сшибла психолога на мосту. Железное алиби.

– Девушка, – послышался настойчивый голос, – девушка, скажите, наконец, адрес и телефон.

Я принялась диктовать почтовые координаты, продолжая думать о своем.

– Ничего не понимаю, – обозлился гаишник, – адрес в Комарове, а телефон московский!

Господи, машинально сказала ему координаты Войцеховских. Быстро исправив ошибку, увидела, отъезжая, озабоченное лицо стража порядка. Скорей всего решил, что нарушительница хочет обмануть его, дабы не платить штраф.

На почтамте, проплутав довольно долгое время по залам, я обнаружила наконец стрелку с надписью «Отделение абонентов», и пришлось спуститься в подвальное помещение. Стало немного страшно. Гул толпы исчез, внизу царил тишина. Ни души, только ряды серых контейнеров разной величины, освещенные яркими лампами дневного света. Ячейки почти все были открыты, демонстрируя пустые внутренности. Девяносто восьмая оказалась последней и самой маленькой. Ключик легко скользнул внутрь замочной скважины, и перед глазами предстала... пустота. Я принялась шарить руками по дну и нащупала небольшой плоский конверт серого цвета. Запихнула его в сумочку и пошла к машине.

«Пежо» спокойно поджидал на стоянке. Я залезла на водительское место, закурила и стала разглядывать находку. Конверт как конверт, куплен, очевидно, в каком-нибудь газетном киоске. Внутри что-то твердое, плоское и тоненькое. Я отодрала заклеенный клейкой лентой клапан, потрясла, и мне на колени упал советский паспорт старого образца. Тот самый «серпастый, молоткастый» мышинового цвета. Когда-то, очень давно, у меня был такой же, который потом

обменяли на вишнево-красный. Я отогнула обложку – Никишина Ольга Петровна, год рождения 1916-й, прописана – улица 2-я Аэропортовская, д. 7/15, кв. 353, невоеннообязанная, зарегистрирован брак с гражданином Буйновым Павлом Степановичем, русская, место рождения – город Москва. Детей и особых отметок в документе не было.

Я уставилась на находку – опять Никишина! Кто она такая? С фотографии смотрело абсолютно незнакомое лицо шестнадцатилетней девочки-подростка. Длинные, кажущиеся черными косы, высокий, слегка шишковатый лоб, довольно изящный нос и толстые щеки. Девица явно обладала избыточным весом и страдала юношескими прыщами. Хотя, кто знает, может, к моменту брака с Буйновым гадкий утенок оперился и превратился в лебедя? Интересно, где она сейчас? Скорей всего в могиле. Год рождения-то – 1916-й. Как ее паспорт раздобыла Люлю? Зачем спрятала документ в таком необычном месте?

Я медленно катила к дому. Завтра поищу эту 2-ю Аэропортовскую.

Дома сразу пошла на кухню, налить чашечку кофе, и остолбенела: в углу, на мягкой подстилке, рядом с кошкой Клеопатрой мирно спал йоркширский терьер.

Вызвав Марусю, я учинила дочери допрос.

– Ты ее не узнаешь? – удивилась девочка. – Так ведь это Маркиза.

– Какая такая Маркиза? – удивилась я.

– Неужели не помнишь? Грустная собачка из питомника Люлю. Они еще решили усыпить ее, потому что не может рожать кондиционных щенков.

– А, – догадалась я, – ты пожалела ее и притащила сюда. Только как? Ведь, когда отвозила вас с Мишей, никакой Маркизы и в помине не было.

Маруся потупилась:

– Была, в сумке спала, я тебе не сказала. Мамулечка, не ругайся, она такая миленькая, молодая и здоровая. Представляешь, как жалко, если ее убьют? Сейчас кончатся каникулы, и кто-нибудь из девочек в лицее обязательно заберет Маркизу.

Она умоляюще сложила руки. Я вздохнула, Маруся всегда вьет из меня веревки. И тащит в дом всякую живность. Кто у нас только не жил! Гигантский паук, жуки, тритоны. Последние просто довели до обморока приходящую домработницу. Бедная девушка до ужаса боялась ящериц. Поняв, что мы и не собираемся с ними расставаться, она решила сама избавиться от кошмара. Дождавшись, когда все ушли, замела на совок тритонов, спустила в унитаз и с чувством исполненного долга пошла пить кофе. Для дальнейших событий просто необходима камера Хичкока. Не успела безобразница вкусить ароматный напиток, как услышала тихое шуршание. Обернулась и лишилась дара речи. Утопленные тритоны благополучно ковыляли по кафельному полу. Девушка не знала, что ящерицы обожают воду и купание в унитазе

восприняли с благодарностью. Несчастливая лишилась чувств и уволилась от нас.

Посмотрев на Машкины умоляющие глаза, я согласилась. В конце концов, где три собаки, там и четвертой найдется место.

Я поглядела на часы и стала собираться к Войцеховским. Милиция просила всех гостей пожить несколько дней в доме, а я ушла с самого утра.

Снова испортилась погода, и на обратную дорогу пришлось потратить больше времени, еле-еле успела к ужину. В десять часов все разбрелись кто куда. Анна смотрела телевизор, Фрида сидела рядом с вышиванием. Я дремала на диване. Вдруг прозвучал звонок.

– Интересно, кого принесло в такой час, – проговорила старуха и покатила к двери.

Через пару минут в холле послышались голоса, и в гостиную влетела немыслимого вида девица. Сначала мне показалось, что она забыла нацепить юбку, но потом глаз обнаружил под длинной, надетой на голое тело ажурной кофтой узенькую полоску голубой ткани. На ногах у девицы ловко сидели высокие черные сапоги с золотой шнуровкой. Каблукам, казалось, нет конца. Так же как ногтям на руках, покрытых таким бешено-красным лаком, что казалось, будто с кончиков пальцев капает кровь. К тому же на каждой руке красовалось штук по восемь колец, а открытая шея, плавно переходящая в пышную грудь, не стесненную лифчиком, бы-

ла обмотана цепями, бусами и шнурками, которые звякали при малейшем движении. Это странное существо ни минуты не пребывало в покое, то и дело поправляя копну крашенных белокурых волос, похожих на стог гнилой соломы.

– Вот, – ошарашенно произнесла Фрида, – к Сержу явилась гостья, говорит, он ее ждет.

– Да, – пискнуло небесное создание, – думаю, Серж страшно обрадуется. – И она захихикала, кокетливо поводя голубыми глазами.

Анна побежала за Сержем. Профессор спустился в гостиную и уставился на девушку. Та, медленно покачивая бедрами, приблизилась к нему и промурлыкала:

– Дорогой, поздравляю! Друзья никогда не дадут тебе забыть день своего рождения.

И она запечатлела на губах психолога сочный поцелуй. Потом обвела взглядом комнату и спросила:

– Это все гости?

– Нет, – изумленно ответил Серж.

– Зови остальных, – распорядилась девица и плюхнулась в кресло, расставив ноги так, что стали видны черные подвязки.

– Ничего не понимаю, – пробормотал обескураженный профессор.

– Это тебе подарок на день рождения, – ухмыльнулась красотка, – угости меня рюмочкой, дорогой!

Радов покорно пошел к бару.

– Надо же, – проговорил вошедший Кирилл, – вы скрыли от нас свои именины!

– Вообще-то я родился 15 января, – сообщил Серж.

– Познакомь нас со своей новой подружкой, – подхватил появившийся Петька.

Анна и Фрида хранили гробовое молчание.

– Честно говоря, – промямлил Серж, – я что-то не припомню, как зовут даму, и понятия не имею, когда пригласил ее сюда.

– Ну ты даешь! – восхитился Петя. – Представляю, что скажет Лена.

Девушка тем временем достала из сумочки гигантский мундштук, воткнула в него сигарету и закурила. Комната наполнилась удивительно вонючим дымом.

– Что вы тут делаете? – осведомился спустившийся Степа.

– Рассматриваем еще одну даму господина Радова, – съехидничал Кирилл.

– Вовсе я не дама, – оскорбилась гостья. – Я на работе.

Все уставились на нее.

– Не понял, – пробормотал профессор, – о какой работе вы толкуете.

– Я профессиональная танцовщица, – зашебетала девушка, – и сестра господина Радова наняла меня сегодня, чтобы украсить день его рождения. Как только все соберутся, включим музыку, и я покажу вам номер.

– Ай да прикол, – взвизгнул от восторга Кирилл, – ваша

сестра, Серж, просто чудачка.

– Нет у меня никакой сестры, – взревел профессор, – и танцев не надо. Кто только додумался до такого! И как узнали, что я здесь. Фантастика!

Во время разговора я сидела тише воды, ниже травы, стараясь осознать случившееся. Надо же быть такой идиоткой! Машинально назвала в борделе адрес Войцеховских и имя Сержа! И вот, пожалуйста, заказ прибыл. Господи, хоть бы не догадались, кто автор затеи. Сообщала ли я администраторше свое имя? Убей бог, не помню. Просто катастрофа. Тем временем события развивались по нарастающей.

– Что происходит? – спросила Лена, входя в гостиную.

Увидев ее, девушка вскочила и побледнела под слоем штукатурки. Лена тоже изменилась в лице.

– Ну-ка, пошла вон отсюда, – заорала она не своим голосом.

Проститутка в мгновение ока выскочила из гостиной и понеслась к двери. Раздался шум двигателя. Кирилл выглянул в окно.

– Однако негодяйки отлично зарабатывают, – констатировал он, – лично мы с Дианой не можем позволить себе «Феррари».

– Кто-нибудь объяснит, что произошло? – недоуменно спросила Фрида.

– Друзья решили подшутить над Сержем и вызвали ему на день рождения стриптизерку, – пояснил Степан. – Идиоты!

Я поглубже вжалась в кресло, ну кто знал, что у профессора на самом деле через несколько дней именины! Роковое стечение обстоятельств.

– Думала, наглая тварь никогда не уберется отсюда и заставит нас смотреть стриптиз, – сквозь зубы процедила Анна.

– Да уж, – откликнулся Петька, – девчонка рассчитывала на чаевые, но Ленка быстренько ее вытурила. Молодец, сразу дала понять, кто тут хозяин.

Лена нервно засмеялась и плеснула в бокал немного коньяка. Ее взвинченное состояние можно было объяснить раздражающим визитом проститутки и ревностью, но мне показалось, что путана и Лена хорошо знакомы. Причем сегодняшняя встреча стала для них неожиданной, неприятной и пугающей.

– Теперь можно спокойно отправляться спать, – сообщила Фрида, вырuling к выходу.

– День выдался богатым на события, – отметил Кирилл, зевнув.

– Спокойной ночи, – сказал Петька, – надеюсь, сюрпризов больше не будет.

И тут раздался оглушительный грохот и визг кошки. Проклятая картина, произведение гениального дедушки, опять рухнула на пол.

– Ох, быть беде, – проговорил Степан, – «Старуха» всегда рухнет в преддверии несчастья.

– Не каркай, – оборвал его брат.

Глава 10

Я глубоко раскаивалась в содеянной глупости. Надо же, разволновала всех, будут теперь гадать, кто автор дурацкого розыгрыша. Может, пойти и честно признаться во всем Сержу? В конце концов, я никому не выдала его тайну, пусть сохранит и мою. Помучившись еще немного, я все же решилась и, натянув джинсы, поскреблась в дверь профессорской спальни. Ответа не последовало. Я открыла дверь: комната пуста. Ну да, конечно, он у Ленки в кровати, а рассказывать им обоим про собственную глупость сил нет.

Комната, куда поселили Радова, была переделана из бывшей веранды. В свое время Степану показалось, что на втором этаже веранда как-то ни к чему, и он велел заложить лишние окна и утеплить стены. Получилась милая спальня, правда, в ней всегда на несколько градусов было прохладней, чем во всем доме. Зимой это особенно ощущалось. Понятно теперь, почему Радов предпочел спать у любовницы. Подождать его или бессмысленно? Скорей всего он не появится в своей спальне. Я пошла к двери, как вдруг в коридоре слышался быстрый шепот Лены. Идиотское положение! Кажется, идет сюда! Как объяснить мое присутствие в спальне профессора? Девочка, видимо, очень ревнива, вон как шуганула проститутку. Не хватало только скандала, и я быстренько залезла в шкаф. Дверцы закрывались неплотно, и в об-

разовавшуюся щель прекрасно просматривались вошедшие влюбленные голубки.

Сейчас на их лицах была написана нешуточная озабоченность.

– Завтра следует съездить в пробирную инспекцию, – сказала Лена.

– Какой тяжелый, – удивился Серж, вынимая из кармана брусок желтого металла, – думаешь, настоящее золото?

– Похоже, – ответила Лена, – хотя Владимир Сигизмундович мог опять какую-нибудь шутку учинить. Спрятано было совсем на виду.

– Где? – спросил Серж.

– У табуретки на кухне откинулось сиденье, смотрю – лежит. Любой мог наткнуться, кто табуретку возьмет. Жидковат тайник, наверное, подделка, но оценить надо, вдруг золото.

– Сколько же оно может стоить? – поинтересовался профессор.

– Жуткие деньги, – сообщила Лена, – хватит и на приличную квартиру, и на машину. Купим апартаменты, хочу шесть комнат и хороший «Мерседес», а не раздолбанную «копейку». Ты ко мне переедешь, а твою сдавать станем.

Она подошла к профессору и обняла его. Серж поцеловал девушку:

– Слушай, пойдем в твою спальню, здесь просто могила.

Серж положил брусок в карман, и они уехали прочь. Я

выскользнула из шкафа. Стало ужасно противно, ну и люди! В коридоре было темно, хоть глаз выколи, поэтому я ужасно испугалась, когда наткнулась на что-то большое и мягкое возле лестницы. Оно взвизгнуло и уронило какой-то предмет, со стуком покотившийся по ступенькам вниз.

– Кто здесь? – изумилась я и, нашарив на стене выключатель, зажгла лампу.

Щурясь от яркого света, в атласном, расшитом драконами халате стояла Анна. Внизу у подножья лестницы лежал барометр. Раньше он украшал коридор второго этажа. Барометр – старинная игрушка Владимира Сигизмундовича – представлял собой довольно широкий деревянный ящик со стеклянной колбой. Сейчас хрупкая часть разбилась в пыль.

Анна виновато поглядела на меня:

– Вот пошла в туалет, поленилась свет зажечь. А тут ты напугала, барометр и упал.

Дурацкое объяснение. Прибор висел в коридоре у окна, и, чтобы уронить его, следовало сначала снять. Анна явно хотела изучить ящичек на предмет соковищ.

Сделав вид, что поверила, я пошла к себе. Дурдом, да и только.

Проворочавшись в кровати почти до утра, я составила план действий. Кто мог убить Лариску? Только свои: домашние или гости. Посторонних вообще не было в доме. А в мифического злоумышленника, тайком проникшего к Войцеховским, верится с трудом. За что ее убили? Да за длин-

ный язык. Небось выведала чьи-то секреты и принялась, как всегда, намекать и хихикать. Значит, если узнаю, кто и что скрывает, сразу найду убийцу. Просто, как апельсин. Дело за малым – узнать чужие тайны. Итак, Серж Радов, Лена, Кирилл, Диана, Петя, Степан, Фрида, Анна, с кого начать? Да, еще есть кухарка и сбежавшая домработница. Голова пошла кругом. Ладно, станем действовать по порядку и изучим господина профессора, а заодно наведаюсь на 2-ю Аэропортовскую и поспрашиваю аборигенов. Вдруг кто-нибудь помнит Ольгу Петровну Никишину.

Утром за завтраком я, прикинувшись полной идиоткой, спросила Сержа:

– Где вы преподаете?

– В Социологическом колледже на Полянке, в Гуманитарном университете и еще в паре мест, а что?

– Да моя кузина хотела поступать на психологический, думала, может, вы ее проконсультируете.

Серж отодвинул тарелку с сосисками.

– Вообще говоря, не имею никакого отношения к вступительным экзаменам и не слишком часто появляюсь на работе.

– А как же заработок, – продолжала я интересоваться, – всегда думала, что чем больше занятий, тем выше оплата.

Профессор хмыкнул. Лена с жалостью поглядела на меня:

– Вы что преподаете?

– Французский.

– И сколько стоит урок?

– Десять долларов час.

Лена засмеялась:

– Тогда вам и правда надо весь день носиться, а Серж классный психотерапевт. Специалист такого класса берет двести долларов в час. Так что нет необходимости стапывать подметки.

– Дашке с ее миллионами франков тоже не надо носиться, высунув язык, – сообщил Степа.

Лена, изогнув бровь, посмотрела на старшего Войцеховского. Тот уткнулся в овсянку и не пояснил своих слов.

– И большая у вас клиентура? – беззастенчиво поинтересовалась я.

– Хватает, – улыбнулся Серж, он явно не собирался распространяться на эту тему, но я решила не отступать.

– Интересно, что за люди обращаются к психотерапевту? И как им можно помочь, разговорами?

– Дорогая, – спокойно произнес Серж, – этим, так сказать, разговорам обучают в университете целых пять лет. А люди приходят самые разные, и проблемы у них тоже не одинаковые – от пропавшей потенции до kleptomании.

– Боже, – восхитилась я, – и всем можно помочь?

Радов внимательно поглядел на меня и без улыбки ответил:

– Всем помогал только Христос, но многим можно значительно улучшить качество жизни.

Я примолкла, надеясь, что не переборщила, изображая заинтересованную идиотку.

Сразу после завтрака, сославшись на визит к зубному врачу, двинулась в Социологический колледж, основное место работы профессора Радова.

В учебной части словоохотливо объяснили, что у господина Радова в сессию всего один экзамен и в настоящий момент он отсутствует. Я прикинулась огорченной.

– Вот незадача, так надеялась найти его поскорей.

– Что случилось, – заинтересованно спросила инспекторша, – может, я помогу?

– Да все племянница, бедный ребенок болен kleптоманией, знакомые посоветовали господина Радова, говорят, чудеса творит.

– Чудеса, чудеса, – закачала женщина головой, оглядывая мои простые джинсы и курточку на искусственном меху, – знаете, сколько стоит лечение у психотерапевта?

– Примерно.

– Лучше знать точно, – вздохнула инспекторша, – называют разные суммы. Как вы понимаете, Сергей Владимирович сам ничего не рассказывает...

– Кто не рассказывает? – перебила я словоохотливую даму.

– Сергей Владимирович Радов, а что?

– Ничего, просто он представился как Серж.

– А, – засмеялась тетка, – он у нас дамский угодник, лове-

лас, все хочет казаться помоложе. Одевается прямо как студент, никакой солидности. Ну девушки и мрут от восторга. Стоит Радову на кафедре появиться, тут же прибегают студентки и щебетать начинают. А Сержем он себя на иностранный лад называет.

– И много у него обожательниц? – поинтересовалась я.

Инспекторша вздохнула:

– Да любая готова, и преподавательницы тоже. Только он помоложе предпочитает, курс третий, второй.

– А как же Лена, она аспирантка?

– Лена? Ах, Ковалева! Ну это ненадолго, – сплетничала дама, – она ему совершенно не подходит, ни по возрасту, ни по воспитанию. Леночка у нас дикий человек, цветок помойки.

Очевидно, дама недолюбливала Лену, потому что минут десять рассказывала о том, как девушка появилась в колледже несколько лет тому назад в самовязаной кофте и трикотажной юбке.

– А теперь, поглядите, английская королева, да и только. Шуба, косметика, духи, но скоро эта невоспитанная нахалка надоест профессору. Удивительно, что он до сих пор не разобрался в ней. Вокруг столько умных, интеллигентных женщин, а Сергея Владимировича бог знает на что тянет, – и инспекторша грустно вздохнула.

Решив разузнать еще что-нибудь, я поинтересовалась:

– Не знаете, кто лечился у Сергея Владимировича? Вы,

наверное, правы, прежде чем платить такие деньги, следует проверить, помогает ли?

– Кто же станет рассказывать о клиентуре, – гордо сказала дама, – знаю только, что у профессора обширная практика.

– Да, – лицемерно вздохнула я, доставая из сумочки кошелек, – моя сестра велела заплатить тому, кто поможет найти пациентов Сергея Владимировича, сто долларов. Нет, ничего особенного, просто хотели поговорить, узнать подробности. На курс нужно четыре тысячи выложить, как-то боязно.

– Это минимум, – сообщила моя собеседница, – четыре тысячи – за десять сеансов, некоторым требуется пятнадцать, а то и больше. Ладно, давайте сюда деньги, – и она быстро спрятала приятно шуршащую банкноту, – всех не знаю, могу назвать только трех: Федор Степанович Круглов, наш преподаватель экономики, хотите поговорить с ним? Он сейчас в 15-й аудитории. Еще Римма Борисовна Селезнева – очень известный гинеколог, светило. И Павел Геннадьевич Шитов – он из шоу-бизнеса, директор какой-то дурацкой группы.

Взяв у жадной дамы координаты Селезневой и Шитова, я пошла в 15-ю аудиторию. Федор Степанович скучал за столом на кафедре.

– Вы ко мне? – обрадовался он.

Я постаралась побыстрее изложить цель визита.

Федор Степанович насторожился:

– Почему вы решили обратиться ко мне? Кто вообще на-

сплетничал, что я лечусь у психотерапевта? Все неправда. Никакими лекарствами, кроме аспирина, не пользуюсь. Вас обманули.

Минут пять я пыталась подъехать к нему с разных сторон, но мужчина остался непреклонен. Пришлось уйти, не добившись результата. Если и остальные будут так же приветливы...

Лучше сначала поискать 2-ю Аэропортовскую. К моему изумлению, улицу с таким названием я нашла сразу. По нынешним меркам она находилась почти в Центре, около метро «Аэропорт». Но в 40-х здесь, скорей всего, был малоблагоустроенный район. Проплутав какое-то время по улицам с односторонним движением, по обе стороны которых стояли кирпичные, явно кооперативные, дома, я неожиданно вырулила на Аэропортовскую. Показалось, что попала в иной мир – маленькие домишки с облупившейся краской располагались буквой «П». Внутри типично московские дворики с деревянными столами и столбами с веревками. Летом тут среди развешанных пододеяльников сражаются почти трезвые доминошники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.